

18+

ВЕДЬМА В НАГРУЗКУ.

ПОСОБИЕ ПО ВЫЖИВАНИЮ

— ЮЛИЯ ТУЕЗОВА —

Юлия Туезова

**Ведьма в нагрузку.
Пособие по выживанию**

«Издательские решения»

Туезова Ю.

Ведьма в нагрузку. Пособие по выживанию / Ю. Туезова —
«Издательские решения»,

Король при смерти, а единственный шанс на спасение скрыт в самом сердце Зачарованного леса — места, откуда не возвращаются. Наследный принц Аластор, привыкший к стальной дисциплине и боевым заклинаниям, готов на всё ради отца. Но он не ожидал, что главным испытанием станет его проводница. Яра — «дикая» ведьма с невыносимым характером, язвительным юмором и привычкой договариваться с духами леса. Для неё Аластор и его элитный отряд — лишь кучка пафосных горожан, не знающих жизни.

© Туезова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Контракт на пепелище	6
Глава 2 Квартирный вопрос под открытым небом	12
Глава 3 Испытание чихом	18
Глава 4 Природная магия	24
Глава 5 Договор дороже короны	32
Глава 6 Жертва холодных глубин	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ведьма в нагрузку. Пособие по выживанию

Юлия Туезова

Оформление обложки <https://ai.tochka.com/image-generator/image-ideas/oblozhki/?ysclid=mqalx07mre186146972>

© Юлия Туезова, 2026

ISBN 978-5-0070-6427-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Контракт на пепелище

В королевских покоях стоял такой густой полумрак, что можно было ненароком споткнуться об интригу или чьи-то непомерные амбиции. Магистр Мортифер, похожий в своей белоснежной мантии на очень вежливое привидение с ледяным взглядом, театрально развернул на столе свиток. Древняя карта выглядела так, будто её жевал дракон, а потом ею же и закусывал. Аластор, чьё терпение обычно заканчивалось раньше, чем придворные успевали закончить первый поклон, скептически уставился на пожелтевший пергамент. Он ненавидел эти игры в «спасителя отечества», но отец угасал, и другого выхода просто не оставалось.

— Золотая чешуя? Серьёзно, магистр? — Аластор приподнял бровь, не скрывая сарказма. — Я надеялся, что мы вышли из возраста сказок о летающих ящерицах. Может, ещё поищем философский камень или совесть казначея?

— Ваше Высочество, — Мортифер даже не моргнул, его голос звучал как скрип снега под сапогом палача. — Болезнь вашего отца не оставляет выбора. Королю не помогут молитвы или обычная алхимия. Только первородная магия дракона способна выжечь яд. Ищите чешую в сердце Зачарованного леса. И постарайтесь не погибнуть, это было бы крайне... неэстетично.

Аластор хмыкнул, сворачивая карту.

— Постараюсь. Не хочется расстраивать твое чувство прекрасного, Мортифер.

Принц вышел, а его сапоги гулко стучали по мрамору, отбивая ритм надвигающейся катастрофы. Он знал, что этот поход — либо его триумф, либо очень дорогая эпитафия. Его отряд ждал у ворот, и каждый из этих парней знал правду, но помалкивал. Лишние уши во дворце были опаснее, чем голодные волки в чаще.

Путь к границе Зачарованного леса занял меньше времени, чем Аластор потратил бы на стандартный светский раут, и принес куда больше пользы. Но радость была недолгой. Там, где должна была начинаться тропа, стояла живая стена из терновника. Колючки размером с кинжал лениво шевелились, словно выбирая, кому первому выпустить кишки. Солдаты притормозили, и в воздухе повис отчетливый запах коллективного недовольствия.

— Командир, эта капуста на нас смотрит, — пробормотал один из воинов, нервно теребя эфес меча.

— Не преувеличивай, Кай, — огрызнулся Аластор, хотя сам чувствовал, как по спине пробежал холодок. — Это просто сорняк. Очень агрессивный, очень магический сорняк.

Он ударил мечом по ближайшей ветке. Раздался не звон стали о дерево, а противный, почти человеческий визг. Терновник мгновенно сплелся еще плотнее, создавая непроходимый барьер. Магические импульсы Кая отскакивали от колючек, как горох от стенки. Стало ясно: мечом здесь махать бесполезно, а магия дворцовой школы тут котировалась не выше, чем советы пьяного конюха.

— Говорят, тут где-то живет ведьма, — вспомнил кто-то из строя. — Дикая, злая и, скорее всего, пахнет жабами. Но она якобы умеет договариваться с этой зеленью.

Аластор вздохнул. Перспектива просить помощи у лесной знахарки вызывала у него изжогу, но вид колышущейся стены терновника вдохновлял еще меньше. Дом Яры обнаружился у самой кромки леса. Это была покосившаяся избушка, которая держалась на добром слове и, судя по виду, паре крепких проклятий. Из трубы шел подозрительный сизый дым, пахнувший одновременно полыньёю и старыми тапочками.

Яра вышла на крыльцо раньше, чем Аластор успел постучать. Она выглядела совсем не так, как он себе представлял. Никаких бородавок и горбов — просто молодая женщина с копной каштановых волос, в которых запутались листья, и взглядом, способным превратить в лед даже кипятки. Она скрестила руки на груди, оценивающе оглядывая отряд.

— О, еще одни герои, — протянула она с такой дозой яда в голосе, что Аластор невольно проверил, не прожгло ли ему доспех. — Доспехи блестят, лица важные, а мозгов, судя по тому, что вы претесь в лес в полдень, кот заплакал.

— Нам нужен проводник, — максимально официально произнес Аластор, стараясь игнорировать её тон. — Мы платим золотом.

— Золотом? — Яра звонко рассмеялась. — Предыдущие два отряда тоже так говорили. Я им и зелья варила, и подношения для Лешего собирала. И где они? Правильно, кормят червей или служат удобрением для того самого терновника, который вы только что пытались побить железками. Лес не любит идиотов, а вы, судя по всему, профессионалы в этом деле.

Аластор почувствовал, как внутри закипает благородная ярость. Этот разговор шел совсем не по сценарию. Он привык, что женщины, узнав в нем сына короля, либо падают в обморок, либо подобострастно кланяются его авторитету. А эта лесная девчонка общалась с ним так, будто он был назойливой мухой.

— Послушай, ведьма, нам не нужны твои советы по выживанию. Нам нужно, чтобы ты провела нас внутрь. Мы торопимся.

— Идите сами, — отрезала Яра. — Моя голова мне дорога как память, а ваши шансы выжить стремятся к нулю. До свидания, господа рыцари. Постарайтесь не слишком громко кричать, когда лес начнет вас переваривать.

Она уже собиралась скрыться в доме, когда маг Кай, решивший проявить инициативу, взмахнул руками. Он хотел всего лишь припугнуть колючки, которые начали подползать к самому порогу, но магия леса сыграла с ним злую шутку. Огненный шар, вместо того чтобы ударить в терновник, срикошетил от невидимого щита и врезался прямым в соломенную крышу ведьмино дома.

Пламя вспыхнуло мгновенно. Сухие травы, пучки которых свисали с карнизов, превратились в огненные факелы.

— Идиот! — закричал Аластор, но было уже поздно.

Яра замерла, глядя, как её единственное пристанище пожирает огонь. В её глазах отражалось не просто горе, а какая-то глубокая, вековая усталость. Она не плакала, не кричала. Она просто смотрела, как искры улетают в небо, унося с собой её скромный мир.

— Мои записи... — тихо прошептала она. — Редкие корни... Всё.

Аластор понял: это его шанс. Жестоко? Возможно. Но королю осталось недолго. Он подошел к ней почти вплотную, так, что почувствовал жар пожара и запах гари.

— Твоего дома больше нет, — сказал он, и его голос смягчился. — И золотом тут не поможешь. Но я предлагаю тебе нечто большее. Станешь моим проводником — и я обещаю тебе место главной знахарки при дворе. У тебя будет современная лаборатория, любые ингредиенты со всего мира и статус, который никто не посмеет оспорить. Ты больше не будешь жить в лесу как отшельница. Ты станешь уважаемым человеком в столице.

Яра медленно повернула к нему голову. Она долго всматривалась в его лицо, словно пыталась найти там подвох. В её голове явно шла борьба между ненавистью к этим городским выскочкам и мечтой о признании, о котором она втайне грезилась долгие годы.

— Придворный лекарь? — переспросила она, и в её голосе промелькнула тень интереса. — С неограниченным бюджетом на реактивы?

— И с личным экипажем, если захочешь, — добавил Аластор, понимая, что рыбка клюнула. — Но сначала мы должны выйти из этого леса живыми.

Яра посмотрела на догорающие руины своего дома, потом на высокомерного воина перед собой. Она понимала, что этот человек привык получать желаемое, но и она не собиралась быть просто ведомой.

— Хорошо, — наконец выдохнула она. — Я пойду с вами. Но запомни, красавчик: в лесу главная — я. Будешь спорить — оставлю тебя на завтрак водяному. И не надейся, что твои железки тебе помогут.

Аластор лишь криво усмехнулся. Главное, что она согласилась. Остальное — детали.

Отряд медленно двинулся к стене терновника. Яра шла впереди, и когда она приблизилась к колючкам, те начали медленно, словно нехотя, раздвигаться, освобождая узкий проход. Воздух в лесу был тяжелым, пропитанным ароматами прелых листьев и древней, опасной магии. Сделав первый шаг в колышущуюся мглу, Яра на мгновение замерла. Она положила ладонь на ствол старого, покрытого лишайником дуба и что-то тихо зашептала.

— Потерпи, старый друг, — едва слышно донеслось до Аластора. — Пропусти этих глупцов. Я присмотрю за ними.

Лес ответил тихим шорохом, похожим на вздох. Ловушка захлопнулась.

Зачарованный лес встретил отряд Аластора не просто тишиной, а той самой вязкой, чавкающей тишиной, которая обычно предшествует либо внезапному нападению, либо очень долгой и нудной лекции о смысле бытия. Воздух здесь был таким густым, что его, казалось, можно было резать на ломти и подавать к обеду вместо гарнира. Пахло прелой листвой, старыми секретами и чем-то неуловимо кислым, подозрительно напоминающим запах страха, исходящий от гвардейцев. Аластор, чье самолюбие пострадало от пожара ведьмино дома чуть больше, чем его репутация, поправил перевязь меча и обернулся к Яре.

— Слушай сюда, лесная хозяйка, — голос принца прозвучал по-командирски жестко, хотя внутри него все еще зудело неприятное предчувствие. — Чтобы я тебя видел, но не слышал. Встань в центр строя, между Каем и Борисом. И, ради всех богов, не путайся под ногами. Мои люди — элита, они прошли через три пограничные стычки и один государственный переворот. Мы справимся с парой кустов и без твоих причитаний. Твоя задача — просто указывать направление, когда я спрошу.

Яра лишь хмыкнула, поправляя на плече облезлую сумку, в которой что-то подозрительно булькало и скреблось. В её глазах, цвета крепко заваренного чая с капелькой яда, читалось такое неприкрытое сочувствие, что Аластору захотелось немедленно проверить, все ли пуговицы на его мундире застегнуты правильно.

— Центр строя, значит? — она переспросила с интонацией, с которой обычно обращаются к очень старательному, но крайне бестолковому ребенку. — Что ж, Ваше Высокомерие, как скажете. Главное, когда ваши блестящие доспехи начнут переваривать местную флору, не забудьте, что это был ваш стратегический план.

Отряд двинулся вглубь. Шаги тяжелых сапог тонули во мху, который выглядел слишком живым и слишком... розовым для приличного растения. Аластор шел впереди, то и дело сверяясь со своим армейским компасом — чудом инженерной мысли, покрытым гравировками и защитными рунами. Маг Кай, бледный как вчерашний блин, размахивал своим посохом, на верхушке которого пульсировал магический радар. Синие искры разлетались в стороны, сталкиваясь с туманом, и гасли с обиженным шипением.

— Путь свободен, командир, — отрапортовал Кай, хотя его голос слегка дрогнул. — Радар показывает прямую линию. Никаких аномалий на ближайшие триста ярдов.

Яра, шедшая в середине, внезапно остановилась и присела на корточки, касаясь пальцами ствола старой осины. Дерево выглядело так, будто у него была затяжная депрессия: ветви понуро свисали, а лишайник на коре расплзался странными узорами.

— Эй, стратег, — окликнула она Аластора, даже не оборачиваясь. — Тропа сужается. А мох на этих деревьях переполз с северной стороны на южную. Лес начинает менять правила. Нам нужно взять правее, через овраг, иначе мы просто...

— Хватит! — Аластор резко развернулся, и его плащ взметнулся, как крыло ворона. — Твои приметы хороши для сбора малины, но у нас есть имперские приборы. Компас показывает север, радар показывает путь. Мы идем прямо. Ты здесь для того, чтобы договариваться с местными духами, если они появятся, а не для того, чтобы подменять собой картографическую службу. Иди и молчи.

Яра медленно поднялась, отряхивая ладони от земли. На её лице медленно расцвела улыбка — та самая, после которой в сказках обычно начинаются самые большие неприятности.

— О, прямо? Ну, конечно. Прямо — это ведь так по-мужски. Никаких обходных путей, только вперед, на амбразуру. Знаешь что? Гуляй. Наслаждайся пейзажами. А я, пожалуй, устрою себе перерыв.

С этими словами ведьма демонстративно зашагала к ближайшему пню, покрытому толстым слоем изумрудного мха. Пень выглядел уютным и совершенно неуместным посреди этого торжества природной агрессии. Яра уселась на него, выудила из кармана лесной орех и с громким щелчком раскусила его.

— Что ты делаешь? — Аластор почувствовал, как в висках начинает пульсировать жилка. — Встань немедленно!

— Не-а, — Яра беззаботно закинула ногу на ногу. — Я подожду, пока вы «нагуляетесь». Лес любит энергичных идиотов, они такие забавные, когда начинают бегать кругами. Идите, идите. Мой компас подсказывает мне, что через пятнадцать минут мы снова увидимся.

— Оставьте её, — процедил Аластор, обращаясь к солдатам. — Она думает, что мы без неё пропадем. Мы пройдем этот участок, а потом она сама приползет, когда поймет, что останется одной в этой чаще — идея на миллион. За мной!

Отряд двинулся дальше. Солдаты маршировали с удвоенным рвением, стремясь доказать этой наглой девчонке, что имперская выучка бьет любое лесное колдовство. Аластор шел во главе, упрямо глядя на стрелку компаса. Она стояла как вкопанная. Туман вокруг сгустился, превращаясь из серой дымки в липкую белую вату, которая забивалась в нос и рот.

— Интенсивнее, парни! — подгонял Аластор. — Мы должны выйти к ручью до заката.

Они шли быстро. Пятнадцать минут форсированного марша по пересеченной местности — это серьезно. Пот застилал глаза, тяжелые доспехи лязгали, а Кай постоянно бормотал заклинания стабилизации, чтобы радар не погас. Лес вокруг казался однообразным: те же кривые дубы, те же розовые пятна мха, те же папоротники, которые, казалось, тянули свои вайи к их щиколоткам.

— Командир... — подал голос Борис, самый опытный разведчик отряда. — Вам не кажется, что это дерево с вырезанным на нем неприличным словом мы уже проходили?

— Глупости, — отрезал Аластор, хотя сердце его предательски екнуло. — В этом лесу тысячи деревьев, и у каждого второго может быть похожий нарост. Продолжать движение!

Они сделали еще один рывок, едва не сбивая дыхание. И вдруг туман впереди немного рассеялся, открывая небольшую поляну. В самом центре поляны стоял знакомый замшелый пень. На пне сидела Яра, меланхолично подбрасывая в руке пустую скорлупку от ореха. Она даже не сменила позу.

— О, снова вы? — она приподняла бровь, изображая крайнюю степень удивления. — Какое совпадение. А я тут как раз думала: вернетесь вы через десять минут или через двадцать. Вы превзошли мои ожидания, господа герои. Марш-бросок был впечатляющим.

Гвардейцы замерли, испуганно переглядываясь. Кай начал лихорадочно трясти свой посох, но магический радар теперь выдавал лишь жалобный писк и пускал вонючий черный дым.

— Это... это леший круг, — прошептал кто-то из солдат, пятясь назад. — Нас закружило. Мы никуда не ушли!

Аластор посмотрел на свой драгоценный компас. Стрелка, которая еще минуту назад уверенно указывала на север, теперь вела себя как эпилептик на дискотеке. Она вращалась с безумной скоростью, то замирая, то снова срываясь в бешеный пляс. Принц почувствовал, как по спине пополз холодный пот. Это было не просто неприятно, это было унижительно. Весь его опыт, вся его вера в порядок и науку разбились о маленькую ведьму, сидящую на гнилом дереве.

— Ладно, — выдавил он сквозь зубы, подходя к Яре. — Твоя взяла. Компас... вышел из строя. Видимо, здесь сильные магнитные залежи.

— Магнитные залежи? — Яра расхохоталась, и этот звук был чище и звонче, чем всё, что Аластор слышал в столице. — О, Ваше Высочество, вы безнадежны. Это не железо в земле, это Леший с вами играет. Ему скучно, а вы такие шумные, такие важные... Он просто завязал тропинку узлом и сидит, хихикает в кустах.

Аластор глубоко вздохнул, стараясь не сорваться на крик. Ему нужно было спасти отца, а время утекало, как вода сквозь пальцы.

— Проведи нас, — сказал он, стараясь придать голосу максимум официальности, чтобы скрыть позор. — Пожалуйста.

— «Пожалуйста»? — Яра приставила ладонь к уху. — Ой, я, кажется, слышалась. Не могли бы вы повторить это чуть громче и с осознанием того, что в этом лесу моё слово — закон, а ваши железки годятся только на то, чтобы пугать ворон?

Аластор заскрежетал зубами так, что искры едва не посыпались. Он сделал шаг вперед, оказавшись почти вплотную к ведьме. От неё пахло травами, дождем и чем-то таким диким, от чего у него на мгновение перехватило дыхание.

— Хорошо, — прошипел он. — Твоё слово — закон. Мы сделаем всё, что ты скажешь. Только выведи нас из этой петли.

Яра прыгнула с пня, и в её глазах вспыхнул озорной огонек. Она оглядела притихших, напуганных гвардейцев и самого принца, который выглядел так, будто проглотил шпагу.

— Отлично! — провозгласила она, хлопая в ладоши. — Раз уж вы признали мою власть, начнем обряд очищения мозгов. Всем снять куртки и плащи! Живо!

— Что? — Кай вытаращил глаза. — Зачем?

— Затем, что дух леса видит вас как чужаков, — объяснила Яра, уже вовсю помогая Борису стягивать его тяжелый колет. — Нужно его запутать. Выворачивайте одежду наизнанку. Швами наружу, подкладкой к миру. Это старый способ: когда ты «наизнанку», лес думает, что ты уже здесь был, и теряет к тебе интерес.

Через пять минут элитный отряд королевской гвардии представлял собой душераздирающее зрелище. Могучие воины стояли в вывернутых куртках, из которых торчали нитки, клочки ваты и внутренние карманы. Аластор, чей роскошный плащ теперь демонстрировал всем свою серую, неприглядную изнанку, выглядел как предводитель банды нищих.

— А теперь самое веселое, — Яра подавила смехок. — Чтобы окончательно развязать узел тропы, мы пойдем задом наперед. До следующего поворота. Не оборачиваться, не спотыкаться и, ради всего святого, не пытайтесь выглядеть при этом величественно. Это портит магию.

— Ты издеваешься, — это был не вопрос, а констатация факта.

— Ни капли, — ведьма сделала честное лицо. — Ну, может, самую малость. Но это действительно работает. За мной!

И они пошли. Это была самая нелепая процессия в истории королевства. Шестеро вооруженных до зубов мужчин в одежде шиворот-навыворот медленно пятились по лесу, ведомые смеющейся ведьмой, которая шла совершенно нормально, изредка поглядывая на них через плечо. Аластор шел последним (или первым, учитывая направление движения), постоянно натываясь на Кая и проклиная тот день, когда он решил, что быть принцем — это весело.

Но самое странное случилось через пару сотен шагов. Воздух внезапно очистился, липкий туман отхлынул, как по команде, а деревья... они словно расступились. Тяжелые ветви, преграждавшие путь, медленно поднялись вверх, открывая широкий, чистый проход вглубь чащи. Там, впереди, свет был другим — не мертвенно-серым, а золотисто-зеленым, пробивающимся сквозь кроны исполинских деревьев.

— Можете поворачиваться, герои, — скомандовала Яра, и в её голосе больше не было насмешки. — И одежду приведите в порядок. Лес принял вашу жертву самолюбием. Теперь он нас пропустит.

Аластор быстро привел себя в надлежащий вид, стараясь не смотреть на своих подчиненных, которые тоже лихорадочно переодевались. Он посмотрел на открывшийся путь. Лес больше не казался враждебным — он казался живым существом, которое просто решило проверить их на прочность. И, судя по всему, они прошли проверку только благодаря этой невыносимой женщине.

— Спасибо, — буркнул он, когда они возобновили движение в нормальном темпе.

— Не за что, — Яра подмигнула ему. — Но запомни этот момент, Аластор. В следующий раз, когда решишь поспорить с лесом, вспомни, как ты выглядел в вывернутом плаще. Это очень помогает сохранять здравомыслие.

Глава 2 Квартирный вопрос под открытым небом

Зачарованный лес ночью превратился из просто пугающего места в нечто совершенно невыразимое, словно вся местная флора и фауна внезапно решила поучаствовать в конкурсе на самый депрессивный пейзаж. Туман, который днем просто путался под ногами, теперь лениво перетекал через поваленные стволы, напоминая густой кисель, в котором кто-то забыл растворить комочки ночных кошмаров. Воздух стал холодным и влажным, он пах старым склепом, в котором кто-то очень оптимистичный пытался развести костер из мокрого папоротника. Гвардейцы, эти brave парни, способные разогнать толпу недовольных крестьян одним суровым взглядом, теперь жались друг к другу, как испуганные первокурсницы на балу у некроманта.

Аластор стоял чуть в стороне, прислонившись к стволу гигантского дуба, который, кажется, тихонько ворчал во сне. Он пытался сохранить лицо командира, хотя его собственный плащ, вывернутый наизнанку и теперь кое-как возвращенный в нормальное состояние, всё еще выглядел так, будто его жевал очень неразборчивый дракон. Принц чувствовал, как усталость наваливается на плечи тяжелым свинцовым грузом, но сон не шел. Мысли Аластора, обычно четкие и дисциплинированные, как шеренга пехоты, сегодня напоминали стадо напуганных овец. Его раздражало всё: и этот проклятый лес, и необходимость спасти отца таким сомнительным способом, и, прежде всего, женщина, сидевшая сейчас у огня.

Яра.

Он поймал себя на том, что наблюдает за ней уже добрых десять минут, скрываясь в тени. В неверном свете костра она выглядела пугающе... нормально. Никаких бородавок на носу, никакой горбатой спины или костяной ноги, о которых так любили рассуждать столичные сплетники, обсуждая лесных ведьм. Напротив, в её облике была какая-то дикая, пугающая грация. Подтянутая, сухая фигура, привыкшая к долгим переходам и выживанию там, где обычный горожанин испустил бы дух через полчаса. Она двигалась плавно, как кошка, даже когда просто подбрасывала сучья в огонь. Но больше всего Аластора сбивало с толку её лицо. На вид ей нельзя было дать больше двадцати пяти, но когда она смотрела на огонь, в её глазах проступало нечто древнее, как сами скалы. Это была мудрость, купленная дорогой ценой, и осознание этого заставляло Аластора чувствовать себя зеленым юнцом, несмотря на все его шрамы и чины.

— И тогда мой старик говорит: «Борис, если ты еще раз притащишь в дом лесную кикимору, я выдам тебя замуж за мельничиху!» — раздался приглушенный хохот Бориса.

Аластор нахмурился. У костра царил атмосфера, которую он никак не ожидал здесь увидеть. Яра, которая еще пару часов назад была готова вцепиться ему в глотку, теперь неприужденно болтала с его людьми. Она сидела на корточках, обхватив колени руками, и слушала байки старого разведчика с таким видом, будто они были старыми друзьями, делящими последнюю корку хлеба в осажденной крепости.

— И что, мельничиха была настолько страшной? — спросила Яра, и в её голосе не было и тени того сарказма, которым она обычно осыпала Аластора.

— Страшной? — Кай, молодой маг, который наконец перестал икать от страха, активно замахал руками. — Она могла колоть орехи... ну, скажем так, не прибегая к помощи рук!

Взрыв смеха сотряс лагерь, и даже несколько птиц, рискнувших заночевать поблизости, возмущенно захлопали крыльями. Аластор почувствовал укол чего-то, подозрительно похожего на ревность. Не романтическую, нет — упаси боги — а чисто профессиональную. Это были его люди. Его элита. А она, эта лесная заноза, очаровала их быстрее, чем Кай успевает прочитать заклинание светляка. Она расспрашивала их о семьях, о скучной службе в гарнизоне, о том, какое пиво варят в их родных деревнях. И, что самое возмутительное, она полно-

стью игнорировала его существование. Как будто Аластор был не командиром отряда, а деталью ландшафта, вроде того пня, на котором он так эпично опозорился днем.

— А вы, господа маги, — Яра перевела взгляд на Кая, — всё так же пытаетесь впихнуть силу леса в свои пыльные формулы? Я видела твой радар. Дорогое устройство, наверное. Жаль, что оно абсолютно бесполезно, когда дерево решает, что сегодня север — это там, где у него чешется корень.

— Нас так учили, — смущенно пробормотал Кай, помешивая палкой угли. — Магия должна быть систематизирована. Порядок, контроль, структура...

— Порядок? — Яра тихо рассмеялась, и этот звук был похож на шелест сухой листвы. — В лесу нет порядка, который вы могли бы понять своим городским умом. Здесь есть только баланс. Вы приходите сюда со своими мечами и приборами, пытаетесь подчинить то, что старше ваших династий в десять раз. Это всё равно что пытаться научить волка ходить строем.

Аластор решил, что пора прервать этот сеанс лесной философии. Он вышел из тени, его сапоги тяжело хрустнули по веткам. Разговоры тут же стихли. Борис выпрямился, Кай виновато уставился в землю. Только Яра даже не повернула головы в его сторону, продолжая пристально смотреть на танцующие языки пламени.

— Довольно пустых разговоров, — отрезал Аластор, становясь напротив неё. — Нам нужно обсудить завтрашний маршрут. Карта Мортифера указывает на ущелье Плача, но если лес продолжит свои шутки с пространством...

— Завтра будет завтра, — перебила его Яра, наконец-то подняв на него взгляд. В её глазах отражались искры костра, делая её похожей на опасного духа. — А сейчас мы говорим о вещах более насущных. О том, зачем вы на самом деле здесь.

— Я уже говорил, — процедил Аластор, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Мы ищем золотую чешую для короля. Это государственная тайна высшей категории, так что прикуси язык.

— О, государственная тайна, — Яра качнула головой, и на её губах появилась горькая улыбка. — Ваш король... великий государь, не так ли? Тот самый, который в прошлом году ввел налог на лесные колодцы в пограничных землях? Или тот, при котором бароны в южных провинциях воруют столько, что крестьяне едят лебеду пополам с опилками?

Аластор замер. Он не ожидал такого выпада. В столице об отце говорили либо с благоговением, либо шепотом, опасаясь тайной полиции. А здесь, в глуши, эта девчонка бросала ему в лицо обвинения, которые он сам часто слышал в своей голове, но никогда не решался произнести вслух.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — холодно произнес принц, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Король болен. Он старик, который всю жизнь положил на алтарь империи. Если он уйдет сейчас, начнется хаос. Междоусобицы уничтожат всё, что строилось десятилетиями.

— Хаос? — Яра резко встала. Она оказалась ниже него почти на голову, но в этот момент казалось, что она возвышается над всем лагерем. — Хаос уже здесь, командир. Он в заброшенных деревнях, которые ваш король перестал защищать от тварей. Он в глазах матерей, которым нечем кормить детей из-за ваших амбициозных войн. Вы ищете спасение для одного человека, называя это спасением королевства. А я вижу просто эгоистичного старика, который боится смерти настолько, что готов послать своих лучших людей в мясорубку.

— Замолчи! — Аластор сделал шаг вперед, его рука непроизвольно легла на рукоять меча.

Борис, Тициан и Кай испуганно переглянулись. Атмосфера в лагере стала такой наэлектризованной, что, казалось, коснись кто-то воздуха — и произойдет взрыв.

— А сын короля? — её голос вдруг стал тихим, но в нем было больше силы, чем в любом крике. — Вечно на выездах ради короны. Почему он так рьяно уезжает из королевства?

Наступила оглушающая тишина.

— А почему он до сих пор не женат? Уж наверняка из-за кошмарного характера, не смотря на сплетни о его красоте — хмыкнула Яра.

Аластор покраснел.

— Почему он бежит с мечом, вместо того чтобы навести порядок там, где этот порядок действительно нужен? В столице. В совете. В сердце своего государства. Ну конечно, проще сражаться с врагами, чем с коррупцией собственных советников!

Принц открыл рот, чтобы выдать заранее заготовленную тираду о чести, долге и святости монаршей власти. Он хотел сказать ей, что она ничего не понимает в большой политике, что управление страной — это не сбор грибов, а сложная игра компромиссов. Но слова застряли в горле. Под этим пронзительным, честным взглядом ведьмы все его оправдания внезапно показались ему жалкими и фальшивыми, как дешевая позолота на оловянном кубке.

— Король... он сделал много хорошего, — наконец выдавил он, и сам услышал, как неубедительно это прозвучало.

— Возможно, — согласилась Яра, снова усаживаясь на свое место. — Но деревья не помнят, что было десять лет назад. Они видят то, что происходит сейчас. А сейчас ваше королевство гниет с головы. И вы это знаете.

Она замолчала и начала меланхолично ковырять палкой в золе. Гвардейцы сидели, не шевелясь, боясь даже вздохнуть. Аластор чувствовал, как у него горит лицо. Ему хотелось кричать, спорить, доказывать свою правоту, но вместо этого он просто стоял, глядя на то, как угасает пламя костра.

Правда была горькой, как полынь. В отчетах советников всегда всё выглядело гладко: налоги собираются, границы укрепляются, народ ликует. Но здесь, на краю мира, глядя в глаза женщине, которая знала о жизни больше, чем все его учителя фехтования и философии вместе взятые, он впервые увидел реальность без прикрас. Его отец действительно допустил ошибки. И он сам, Аластор, тоже был виноват в том, что предпочитал героические походы рутинной и грязной работе по исправлению дел в государстве.

— Нам нужно поспать, — глухо произнес он, не глядя ни на кого. — Завтра будет тяжелый день.

Аластор отошел к краю освещенного круга, чувствуя, как холод леса снова смыкается вокруг него. Он смотрел в темноту, где между деревьями мелькали странные тени, и думал о том, что эта поездка уже изменила его гораздо сильнее, чем он готов был признать. Ведьма была не просто проводником по лесу. Она была зеркалом, в котором он внезапно увидел свое истинное отражение, и это отражение ему совсем не понравилось.

Тишина в лагере стала тяжелой и звенящей. Огонь костра постепенно превращался в грудку тлеющих углей, отбрасывая на землю длинные, причудливые тени. Аластор присел на поваленное дерево, кутаясь в плащ. Ему нужно было переварить всё, что сказала эта невыносимая женщина, и решить, как ему смотреть в глаза отцу, если — или когда — они всё-таки вернутся с этим проклятым лекарством. Но самое неприятное было в другом: он понимал, что Яра права. И это осознание жгло его изнутри сильнее, чем любой лесной мороз.

Когда угли костра начали подергиваться серым пеплом, словно старик, решивший прикрыть свою лысину пыльным одеялом, к Аластору подошел Борис. Старый вояка выглядел так, будто ему только что поручили кастрировать взбешенного грифона при помощи тупого столового ножа. Он мялся с ноги на ногу, оглядывая лагерь с видом человека, внезапно осознавшего, что он забыл, как дышать.

— Командир, тут такое дело... логистический тупик, если изволите выразиться по-умному, — пробасил Борис, понизив голос до заговорщического шепота, который в ночной тишине леса разносился не хуже колокольного звона.

Аластор устало потер переносицу. Когда подчиненные начинали использовать слова вроде «логистический», это обычно означало, что кто-то либо съел все припасы, либо потерял единственную карту, либо, как сейчас, просто не умел считать до пяти.

— Излагай, Борис. Только короче. У меня сегодня был слишком длинный день, чтобы слушать твои философские трактаты о превратностях интендантской службы.

— Палаток не хватает, — выдохнул разведчик. — У нас их только две. Наша и ваша. Обычно мы делились двое надвое, максимум трое на одного. Но нас четверо и одна... девушка. Если мы поселим госпожу ведьму отдельно, как полагается приличным людям, то вчетвером мы не втиснемся в одну палатку, только если мы решим спать друг у друга на головах, сложившись в магическую пентаграмму. Кай говорит, что он не против, но он молод и глуп, а вот Тициан предупредил, что если его зажмут между двумя потными латниками, он начнет кусаться. В конце концов, палатка не выдержит, если будет больше трех человек.

Аластор бросил взгляд на Яру. Та сидела чуть поодаль, перебирая какие-то подозрительные сушеные корешки, и явно прислушивалась к разговору, хотя и делала вид, что полностью поглощена своим гербарием. В его голове пронеслось несколько вариантов решения проблемы, включая «пусть спит на дереве, она же ведьма» и «пусть маги сотворят ей хрустальный замок из воздуха», но статус благородного командира — и тайного наследника престола, черт бы его побрал — обязывал к жестам широким и бессмысленным.

— Мою палатку отдайте ей, — бросил Аластор, стараясь, чтобы его голос звучал максимально непринужденно. — Вопрос исчерпан.

Борис открыл было рот, чтобы что-то возразить, но под тяжелым взглядом командира благоразумно его закрыл и поспешил скрыться в тумане. Яра медленно подняла голову. В свете умирающего пламени её глаза блеснули опасным огоньком, который Аластору совсем не понравился. Она не выглядела благодарной. Скорее, она выглядела как человек, обнаруживший в своем супе очень интересную, но совершенно несъедобную муху.

— Твою палатку? — она приподняла одну бровь, и этот жест был красноречивее любого оскорбления. — Как это благородно. Прямо как в балладах, которые поют подвыпившие барды в столичных кабаках. И что же дальше, о доблестный предводитель? Собираешься подселиться к своим гвардейцам и наслаждаться ароматами немых сапог и не менее немых Кая, пока палатка не разрушится?

Аластор представил себе эту перспективу. Четыре мужика в пространстве размером с конуру для очень маленькой собачки. Влажный воздух, запах старого металла, пота и безнадеги. Нет, он, конечно, был солдатом, но у него тоже имелись границы терпимости. К тому же, он был принцем, и мысль о том, что его локоть всю ночь будет упираться в ребра Бориса, вызвала у него почти физическую тошноту. Но признать это перед этой язвой? Никогда.

— Или, может быть, — Яра сделала паузу, и на её губах заиграла ехидная улыбочка, — ты планируешь «охранять мой сон» внутри? Чисто из соображений безопасности, разумеется. Вдруг на меня нападет особо агрессивный мотылек?

— Мои намерения кристально чисты, — отрезал Аластор, чувствуя, как у него начинают гореть уши. — Как истинный воин, я буду ночевать здесь, у костра. Ночь в лесу — это не повод расслабляться. Я буду первым, кто встретит любую угрозу, пока вы, гражданские, будете видеть свои седьмые сны.

Яра издала короткий смешок, похожий на треск сухой ветки.

— Героизм — это лучший утеплитель, — сказала она, поднимаясь и грациозно потягиваясь. — Главное, не забудь застегнуть панцирь поплотнее, а то вдруг твоя гордость простудится. Доброй ночи, «страж». Постарайся не превратиться в ледяную статую до рассвета, мне всё еще нужен кто-то, кто будет нести мои вещи.

Она направилась к его палатке — самой большой и сухой в лагере — с таким видом, будто это была её родовая усадьба, а он — просто зазевавшийся швейцар. Аластор проводил

её взглядом, в котором мешались ярость, недоумение и смутное подозрение, что его только что очень изящно обвели вокруг пальца. Он остался один на один с лесом, который, казалось, только и ждал этого момента, чтобы начать свою издевательскую симфонию.

Первый час прошел терпимо. Аластор соорудил себе подобие лежа из еловых веток, накрыв их своим плащом. Он сидел в позе задумчивого героя, глядя в темноту и прислушиваясь к звукам чащи. Где-то ухал филин, где-то подозрительно шелестели кусты, а Борис в своей палатке храпел так ритмично, что Аластор всерьез опасался, как бы этот звук не привлек какую-нибудь особенно крупную нечисть.

«Я принц великого королевства», — думал он, пытаясь игнорировать острую ветку, которая впивалась ему в бедро. — «Мои предки вели армии против демонов. Я учился тактике у лучших стратегов. И вот я здесь. Сплю на муравейнике, потому что одна ведьма с острым языком решила, что я выгляжу слишком пафосно».

К полуночи лес решил, что просто пугать его звуками — это скучно. Температура упала так резко, будто кто-то открыл дверь в ледяной погреб огромного великана. Пронизывающий туман начал просачиваться сквозь одежду, оседая на коже липкой, холодной росой. Аластор плотнее завернулся в плащ, но тот, казалось, только впитывал влагу, становясь тяжелым и бесполезным. Костер, который он обещал поддерживать, вел себя как капризный ребенок: стоило Аластору на минуту прикрыть глаза, как пламя уменьшалось до размеров свечки.

Земля была не просто жесткой. Она была агрессивно твердой. Каждый корень под его спиной, казалось, за ночь вырос на пару дюймов специально для того, чтобы попасть точно между позвонками. В какой-то момент он поймал себя на том, что пытается согреться, представляя себе роскошный камин в отцовском замке и кружку горячего вина с пряностями. Это было ошибкой. Реальность в виде ледяного ветра, пробравшегося под воротник, хлестнула его по лицу, возвращая в объятия Зачарованного леса.

«Почему она не знает, кто я?» — с горечью подумал Аластор, стуча зубами. — «Если бы она знала, что перед ней будущий король, стала бы она так издеваться? Наверняка бы кланялась и подносила отвары. Хотя... нет. Скорее всего, она бы смеялась еще громче. Для неё короли и свинопасы — это просто разные виды корма для её любимых леших».

Его раздражало не только отсутствие комфорта, но и то, как легко она вписалась в его отряд. Солдаты её не боялись — они её уважали. А он? Его они тоже уважали, но это было уважение к чину и мечу. А к ней тянулись как к живому огню. И это жгло его сильнее холода. Он хотел быть тем, кто ведет за собой, кто знает ответы. А оказался парнем, который мерзнет у костра, пока ведьма спит на его подушках.

Под утро туман стал настолько густым, что Аластор перестал видеть собственные сапоги. Он сидел, скорчившись над едва тлеющими углями, и его зубы выбивали такую дробь, что он всерьез опасался, как бы они не раскрошились. Весь его боевой дух испарился вместе с теплом. Он больше не чувствовал себя великим воином или наследным принцем. Он чувствовал себя мокрым, злым и очень голодным комком несчастья.

Он пытался делать вид, что глубоко погружен в тактические раздумья. Со стороны это, должно быть, выглядело величественно: суровый командир, встречающий рассвет в раздумьях о судьбах мира. На деле же Аластор в этот момент решал сложнейшую тактическую задачу: как пошевелить пальцами на левой ноге так, чтобы они не отвалились от обморожения.

Когда первые лучи бледного, немощного солнца едва пробились сквозь кроны деревьев, полог палатки отодвинулся. Яра вышла наружу, выглядя подозрительно свежей, выспавшейся и — о боги, за что? — довольной. На ней не было ни капли росы, её волосы не торчали клочьями, как у него, а в глазах светилась та самая бодрость, которая в пять утра должна быть запрещена законом.

Она остановилась, глядя на Аластора, который в этот момент напоминал замерзшего воробья, пытающегося реанимировать дохлую муху. Его лицо приобрело интересный синеватый оттенок, а плащ покрылся тонкой коркой инея.

— О, — протянула она, и в её голосе прозвучало столько фальшивого сочувствия, что Аластор захотел немедленно вызвать её на дуэль. — Доброе утро, Ваше Геройство. Я смотрю, ночь прошла продуктивно? Вид у тебя такой... философский. Словно ты постиг все тайны бытия и разочаровался в каждой из них.

Аластор попытался ответить, но его челюсть была настолько скована холодом, что вместо грозного приказа получилось лишь невнятное мычание.

— Что-что? — Яра склонила голову набок, подходя ближе и беспардонно рассматривая его жалкую позу. — Не слышу. Ты что-то сказал про стратегическое преимущество ночевки в луже? Или ты просто тренируешь силу воли, пытаясь не взорваться от праведного гнева?

Он с трудом сглотнул, чувствуя, как горло саднит от холодного воздуха.

— Я... следил за периметром, — наконец выдавил он, стараясь придать голосу хотя бы подобие властности. Получилось плохо — голос сорвался на высокой ноте, сделав его похожим на обиженного подростка.

— Конечно, конечно, — кивнула ведьма, приседая рядом с ним на корточки. Она пахла свежестью, хвоей и — Аластор готов был поклясться — теплым одеялом. — Ты так усердно следил, что, кажется, даже иней на плаще не заметил. Скажи мне, страж границ, ты не планируешь в ближайшее время вызвать эти угли на дуэль? За недостаток тепла и вопиющее неуважение к твоему статусу? А то они выглядят очень вызывающе, прямо-таки напрашиваются на твой меч.

Аластор посмотрел на неё, мечтая лишь об одном: чтобы земля под ним разверзлась и поглотила его прямо сейчас. Но земля, как и лес, была к нему безразлична. Она была просто холодной.

— Иди... в бездну, Яра, — прошептал он, пытаясь размять затекшие плечи.

— Сначала кофе, — весело отозвалась она, поднимаясь. — Бездна подождет, пока я не посмотрю, как ты будешь пытаться встать на эти ледяные палки, которые ты называешь ногами. Шоу обещает быть грандиозным.

Глава 3 Испытание чихом

Утро в Зачарованном лесу продолжалось не с пения диковинных птиц или нежного шепота листвы, а со звука, который мог бы поспорить по громкости с сигнальным рогом королевской гвардии. Аластор согнулся пополам, и мощное, сокрушительное «А-апчи!» прокатилось по лагерю, заставив пару ближайших кустов испуганно затрепетать и, кажется, попытаться закопаться поглубже в землю.

В голове гудело так, будто там поселился рой очень сердитых и очень пьяных шмелей, решивших уйти в глубокую депрессию прямо на его мозжечке.

Каждый вдох отдавался в груди свистом, а нос, судя по ощущениям, приобрел цвет спелого помидора и увеличился в размерах вдвое. Аластор попытался вытереть лицо рукавом плаща, но ткань, пропитанная ночным туманом, была такой же сухой и приятной на ощупь, как дохлая рыба. Он ненавидел этот лес. Он ненавидел свою приверженность рыцарским идеалам, которая заставила его отдать палатку этой женщине. Но больше всего он ненавидел тот факт, что его «героическое бдение» у костра закончилось триумфальным поражением от банального сквозняка.

— Будьте здоровы, командир, — осторожно подал голос Борис, который в этот момент пытался разжечь остатки костра, подозрительно косясь на своего лидера. — Звучит так, будто у вас в легких застрял небольшой, но крайне недовольный дракон.

— Это... просто... пыльца, — выдавил Аластор, чувствуя, как очередная порция чихов подкатывает к горлу, словно кавалерийская атака. — Местная... флора... очень агрессивна.

— Ну конечно, пыльца, — раздался мелодичный, пропитанный патокой сарказма голос Яры. — В этом лесу даже туман имеет чувство юмора, но чтобы он вызывал у столичных воинов такой оглушительный восторженный отклик — это для меня новость. Скажи честно, Аластор, ты пытался перечихать лешего или просто решил оповестить всех хищников в радиусе пяти миль, что на завтрак подают простуженного капитана?

Ведьма сидела у котелка, лениво помешивая какую-то серую субстанцию, которая, несмотря на свой невнятный вид, пахла до изжоги аппетитно. Она выглядела так, будто только что вышла из лучших купален дворца, а не провела ночь в сердце проклятой чащи. Ни единой помятости на одежде, ни единой лишней прядинки в волосах. Это бесило Аластора почти так же сильно, как пульсирующая боль в висках.

— Я в порядке, — отрезал он, стараясь придать голосу ту самую стальную твердость, которая обычно заставляла интендантов дрожать за свои отчеты. Получилось, впрочем, скорее похоже на скрип несмазанной телеги.

Кай подошел к нему, придерживая свой посох, на верхушке которого уныло тускнел магический кристалл. Маг выглядел не лучше командира — бледный, с темными кругами под глазами и явным желанием проклясть всё живое в радиусе мили.

— Командир, при всем уважении, ваша аура сейчас напоминает пожеванный лопух, — пробормотал Кай, понизив голос. — У вас жар. Мои заклинания стабилизации тут не помогут, нужна правильная химия. Органическая магия, так сказать. Яра уже приготовила отвар, там... ну, знаете, корешки, плесень какая-то благородная, хвосты ящериц. В общем, то, что доктор прописал.

Аластор бросил взгляд на котелок, а потом на Яру. Та, почувствовав его внимание, демонстративно зачерпнула ложкой немного варева и с явным удовольствием вдохнула пар.

— О, это не просто отвар, — громко произнесла она, обращаясь скорее к Борису, чем к Аластору. — Это мой особый рецепт «Прощай, сопливая немочь». Снимает отек, прочищает мозги и возвращает мужчине способность говорить не только носом. Но есть одна маленькая

деталь. Магия трав требует... определенного энергетического обмена. Уважения к труду, так сказать.

Борис кашлянул в кулак, стараясь не смотреть на Аластора.

— Командир, может, всё-таки... ну, один глоточек? Нам еще через Гнилое болото топать, а вы там в таком состоянии разве что в качестве приманки для кикимор сгодитесь. Они любят бледненьких и горячих.

Аластор почувствовал, как внутри него закипает глухое раздражение, смешанное с упрямством, которое его наставники называли «королевской твердостью», а слуги — «ослиным характером».

— Я повторю еще раз для особо одаренных обитателей лесов: я. в. порядке, — каждое слово давалось ему с трудом, словно он пережевывал гравий. — Мой организм закален годами походов, зимними маневрами и настоящим мужским испытанием в виде столичных пиров. Какая-то сырость не способна свалить меня с ног. И я не собираюсь пить сомнительное пойло, сваренное в походных условиях без надлежащей сертификации медицинской коллегии.

— Сертификации? — Яра расхохоталась, и этот звук был похож на звон серебряных колокольчиков, который бесцеремонно ввинчивался в больную голову Аластора. — О, простите, Ваше Сопливечество! Забыла приложить к котелку гербовую печать и справку о чистоте черпака. Значит, «дикое пойло» мы пить не будем? Предпочитаем умирать с достоинством и заложенными ушами?

Она встала, медленно приближаясь к нему. В её глазах плясали искры, которые Аластор никак не мог разобрать: то ли это была чистая насмешка, то ли странная форма сочувствия, тщательно замаскированная под издевку.

— Условие простое, — прошептала она, остановившись в паре шагов от него. — Я дам тебе лекарство, если ты попросишь. Лично. Без этих твоих министерских формулировок и командного тона. Просто скажи: «Яра, помоги мне, потому что я упрямый болван, который переоценил свои силы». И я клянусь, через десять минут ты будешь чувствовать себя так, будто тебя заново родили в стоге сена.

Аластор посмотрел на неё сверху вниз. Его взгляд должен был быть ледяным, но из-за слезящихся глаз он, скорее всего, выглядел как побитый щенок, пытающийся казаться волком.

— Никогда, — выдавил он.

— Ну, на «нет» и здоровья нет, — Яра пожала плечами и вернулась к костру. — Борис, Тициан, Кай, садитесь завтракать. Каша, конечно, безвкусная — спасибо вашим интендантам за этот мешок спрессованных опилок, — но с моими специями это хотя бы можно проглотить без риска вывихнуть челюсть.

Завтрак проходил в гнетущей тишине, нарушаемой лишь хлюпаньем ложек и периодическими, тщательно подавляемыми всхлипами Аластора. Он принципиально отказался от каши, заявив, что «на марше аппетит — это излишество», хотя на самом деле его желудок сжимался в спазмах от одного запаха еды. Вместо этого он стоял, прислонившись к сухому дереву, и пытался сфокусировать взгляд на карте, которая в его руках двоилась, троилась и вообще вела себя крайне непотребно.

«Это всего лишь простуда, — убеждал он себя, чувствуя, как холодный пот стекает по спине под тяжелым панцирем. — Соберись, Аластор. Ты вел людей в атаку на горные крепости. Ты выживал после ранения отравленной стрелой. Ты сможешь пройти десяток миль с покрасневшим носом».

Но внутренний голос, который сегодня удивительно напоминал интонации Яры, ехидно уточнял: «В атаку ты вел их на коне, герой. А сейчас у тебя подгибаются колени даже от мысли о том, чтобы поправить перевязь меча. А если ты свалишься в обморок посреди чащи, кто тебя понесет? Борис и Тициан не молодеют, Кай слаб здоровьем, а ведьма... ну, ведьма наверняка просто привяжет тебя за ногу к дереву и оставит на радость волкам».

— Ну что, господин доблестный командир, — Яра поднялась, отряхивая руки. — Группа готова к героическому превозмоганию? Или подождем, пока твой нос окончательно не превратится в маяк для лесных духов?

— Выступаем, — хрипло скомандовал Аластор, отталкиваясь от дерева. Земля под ногами на мгновение качнулась, словно палуба корабля во время шторма, но он удержал равновесие, вцепившись в рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев.

— Слушаемся, о великий предводитель чихающих! — ведьма шутливо отсалютовала ему черпаком, прежде чем убрать его в сумку. — Помни, Аластор: если почувствуешь, что лесные нимфы начинают звать тебя в свои хороводы, это не галлюцинация от жара, это просто лес радуется твоему визиту. Или твоему скорому падению в канаву. Я еще не решила, какой вариант мне нравится больше.

Аластор не удостоил её ответом. Он первым шагнул в густую, пахнущую прелью и сыростью завесу тумана, которая мгновенно сомкнулась за его спиной.

Каждый шаг отдавался в голове тяжелым молотом. Плащ казался налитым свинцом, а доспехи, которые он обычно почти не замечал, теперь тянули к земле с неумолимой силой гравитации. Он слышал позади мерный топот сапог своих воинов и легкие, почти невесомые шаги Яры. Он чувствовал её взгляд на своей спине — изучающий, ироничный, ждущий момента, когда его гордость окончательно даст трещину под напором физической немощи.

Он шел вперед, сжимая челюсти до боли, и единственной мыслью, которая удерживала его в сознании, было то, что он ни за что, ни при каких обстоятельствах не даст этой «дикарке» повода для новой порции шуток о «хрупких столичных неженках».

Даже если для этого ему придется превратиться в ледяную статую прямо на ходу.

Зачарованный лес, судя по всему, решил, что вчерашних развлечений с пространственной топографией было недостаточно, и перешел к фазе активного психологического террора. Туман сгустился до состояния подгоревшей манной каши, в которой невидимые повара забыли размешать комочки чьих-то нереализованных страхов. Воздух стал настолько плотным, что его можно было резать ножом и продавать как сомнительный деликатес в столичных лавках древностей. Каждый вдох теперь давался Аластору с трудом, словно он пытался курить мох через сломанную соломинку.

Его состояние из «слегка простуженного героя» стремительно эволюционировало в «экспонат анатомического театра в стадии глубокой депрессии». Озноб колотил его так, что сочленения доспехов издавали мерный, раздражающий дребезг, напоминающий звук телеги, груженной битой посудой. В голове Аластора пульсировала одна-единственная мысль, тяжелая и неповоротливая, как старый тролль: «Не падать. Только не падать». Если он рухнет сейчас, на глазах у этой женщины, история его правления закончится, не успев начаться, позорным некрологом в духе «Скончался от чрезмерного высокомерия и недостатка шерстяных носков».

Яра шла впереди, и Аластор видел, как изменились её движения. Она больше не подшучивала над Каем и не перебрасывалась колкостями с Борисом. Ведьма двигалась настороженно, словно кошка, учуявшая в привычном подвале присутствие очень большого и очень голодного сородича. Лес вокруг изменился. Деревья здесь были не просто старыми — они выглядели так, будто участвовали в каком-то затяжном и крайне неудачном магическом эксперименте. Стволы изгибались под невероятными углами, покрытые наростами, которые в тумане подозрительно напоминали застывшие в крике лица.

— Мы перешли границу, — вполголоса произнесла Яра, не оборачиваясь. — Здесь правит другой. Старый дух, у которого в голове магии больше, чем здравого смысла. Он не любит гостей, особенно тех, кто пахнет железками и дворцовыми интригами. Держитесь тропы, даже если она будет предлагать вам бесплатные пирожки и вечную жизнь.

— Ты тоже это чувствуешь? — Кай, чье лицо приобрело оттенок несвежего сыра, судорожно вцепился в свой посох. — Фон... он вибрирует. Магия здесь не течет, она... она кусается.

— Не ной, — хрипло выдавил Аластор, стараясь, чтобы его голос не сорвался на позорный сип. — Мы здесь не для измерения магических вибраций. Двигаемся вперед.

Каждый шаг отдавался в его костях вспышкой боли. Пот, холодный и липкий, стекал под воротник, превращая поддоспешник в инструмент пытки. Аластор чувствовал, как реальность начинает понемногу расслаиваться: вот он идет по тропе, а вот он уже словно парит над лесом, наблюдая за своим шатающимся телом со стороны. Лихорадка вступала в свои права, превращая мир в набор ярких, но совершенно бессмысленных пятен.

Яра внезапно замерла, вглядываясь в пустоту между двумя исполинскими дубами. Там, где обычный человек увидел бы только мглу, она, видимо, различала целые магические магистралы. Она сделала шаг в сторону, полностью погрузившись в созерцание «призрачных троп», как она их называла.

— Так, если мы повернем здесь, то сможем обойти Гнилое логово... — пробормотала она себе под нос, совершенно забыв об окружающей действительности.

И в этот момент лес решил, что пора предъявить счет за несанкционированное вторжение.

Вековой дуб, стоявший чуть в стороне, издал звук, от которого у Аластора волосы встали дыбом даже под шлемом. Это не был обычный треск дерева. Это был звук ломающейся кости великана, усиленный в сотню раз магическим эхом. Подточенный невидимой гнилью, исполин, чья крона терялась в тумане, начал медленно, но неумолимо заваливаться. Прямо на Яру, которая стояла к нему спиной, замороженная своими призрачными картами.

— Яра, берегись! — крикнул Борис, но он был слишком далеко, запутавшись в корнях-ловушках.

Аластор не думал. В его состоянии думать было вообще вредно для здоровья, поэтому сработали чистые, отшлифованные годами тренировок рефлексy. Тело, которое еще секунду назад казалось набитым мокрой ватой, внезапно отозвалось взрывом адреналина. Доспехи лязгнули, когда он рванулся вперед, преодолевая разделявшее их расстояние одним сумасшедшим прыжком.

Он не пытался оттолкнуть ведьму. Он просто не успевал. Вместо этого он врезался плечом в массивный, покрытый чешуйчатой корой ствол, принимая на себя всю сокрушительную инерцию падающего дерева.

— Уходи! — прорычал он, и этот звук вырвался из самой глубины его легких, больше похожий на рык раненого зверя, чем на человеческую речь.

Удар был такой силы, что в глазах Аластора на мгновение погас свет. Каждая мышца, каждый сустав запели похоронный марш. Массивный ствол давил с невероятной силой, стремясь вбить принца в рыхлую лесную почву, как гвоздь в гнилую доску. Металл доспехов на его плечах жалобно застонал, сминаясь под чудовищным грузом.

Яра, вырванная из своего транса, сдавленно вскрикнула и отскочила в сторону, перекатившись через корень. Она замерла на земле, широко распахнутыми глазами глядя на Аластора. Перед ней стоял не просто человек — перед ней была живая статуя из стали и чистой, концентрированной воли. Она видела, как под кожей его шеи вздулись вены, как побелело его лицо, на котором теперь не было ни капли той холеной столичной спеси. Только первобытное напряжение.

С коротким, резким выдохом Аластор толкнул дерево в сторону. Дуб, лишившись опоры, с грохотом рухнул в кустарник, подняв облако пыли и магических спор.

Тишина, наступившая после падения, была почти осязаемой. Аластор стоял, тяжело опираясь руками о колени. Его трясло так сильно, что казалось, он сейчас рассыплется на части.

Капли пота падали с его подбородка на пожухлую листву, а дыхание вырывалось из груди с присвистом, напоминающим работу старых кузнечных мехов.

— Ты... ты как это сделал? — прошептала Яра, медленно поднимаясь на ноги. В её голосе впервые не было ни капли сарказма. Только искренний, неприкрытый шок. Она видела многих мужчин, видела воинов и наемников, но чтобы простуженный, измотанный лихорадкой человек удержал на плечах вес магического дуба... Это не вписывалось ни в одну из её классификаций «городских неженков».

— Слишком много... вопросов... ведьма, — выдавил Аластор. Каждое слово было как физическое усилие. Он выпрямился, и в этот момент его лицо снова стало маской ледяного спокойствия, хотя глаза оставались затуманенными.

— Командир! — Кай и Борис наконец подбежали к ним. — Вы ранены? Вам нужно присесть!

— Вперед, — отрезал Аластор, пресекая любые попытки помощи резким, сухим кашлем, от которого на его губах выступила тонкая полоска крови. — Мы теряем время.

Остаток быстрого пути до места стоянки прошел в напряженном молчании. Даже Яра не решалась больше подначивать Аластора, лишь изредка бросая на него странные, изучающие взгляды. Она видела, как он идет — механически, переставляя ноги на одном упрямстве, глядя строго перед собой. В этом человеке была сила, которая пугала её гораздо больше, чем все духи леса вместе взятые. Это была сила того, кто привык требовать от себя невозможного и получать это.

Когда сумерки окончательно поглотили лес, отряд разбил лагерь в небольшом скальном углублении, которое казалось относительно защищенным от вездесущего тумана. Аластор сидел на камне, даже не пытаясь снять доспехи. Он просто замер, глядя в одну точку, пока Кай суетливо пытался развести костер из мокрых веток.

Яра подошла к нему бесшумно. В руках она держала деревянную миску, от которой исходил резкий, бьющий в нос запах хвои, чеснока и чего-то неуловимо магического. Жидкость внутри слабо светилась фосфоресцирующим зеленым светом, выбрасывая в воздух крошечные искры.

— Пей, — коротко бросила она, поставив миску перед собой.

Аластор поднял голову. Его взгляд был тяжелым, расфокусированным. Он посмотрел на миску, потом на Яру. Сейчас у него не было сил на споры, на защиту своей «государственной важности» или на язвительные комментарии о сертификации. Он был за гранью.

Он взял миску дрожащими пальцами и выпил всё до последней капли. Зелье обожгло горло, словно жидкое пламя, и мгновенно растеклось по венам густым, тяжелым жаром. Это не было приятное тепло — это был настоящий магический удар по организму.

— О... боги... — пробормотал он, чувствуя, как мир вокруг начинает медленно вращаться, превращаясь в калейдоскоп из теней и искр.

Магия отвара начала туманить его разум, вытесняя боль и озноб странной, вязкой эйфорией. Аластор почувствовал, как его веки тяжелеют, а мысли превращаются в ленивых рыб, плавающих в теплом меду. Он поднялся, пошатываясь, и на чистом автопилоте, ведомый только инстинктом поиска тепла и защиты, направился к ближайшему убежищу.

Он совершенно забыл о своем пафосном обещании «охранять периметр» и ночевать у костра. В его сознании сейчас не существовало понятий чести, дистанции или гендерных приличий. Была только палатка — сухая, темная и манящая.

Яра наблюдала, как «великий командир», пошатываясь, дошел до входа, запутался в пологе, глухо выругался на каком-то неизвестном ей языке и буквально рухнул внутрь. Через секунду оттуда донесся звук падения тяжелого тела на спальник и тихий, прерывистый вздох облегчения.

— Ну надо же, — прошептала ведьма, присаживаясь у огня и обхватывая колени руками. — Оказывается, под всем этим железом и гордостью скрывается обычный смертный, который умеет совершать глупости ради других.

Она посмотрела на вход в свою палатку, где теперь безмятежно дрых человек, который еще пару часов назад удерживал на себе вес целого леса. В её голове роились вопросы, на которые у неё не было ответов. Кем на самом деле был этот «наемник»? Откуда в нем эта сталь, которая не гнется даже под магической гнилью?

Яра усмехнулась, подбрасывая ветку в костер. Кажется, этот поход обещал стать гораздо интереснее, чем простое спасение очередного заносчивого старика. И впервые за долгое время ей было действительно любопытно, что же будет дальше, когда этот «ледяной принц» проснется и поймет, где и с кем он провел ночь. Она, конечно, могла бы переночевать и за палаткой. Но она не могла лишиться себя возможности увидеть перекошенное лицо Аластора с утра.

Глава 4 Природная магия

Аластор проснулся с ощущением, что его внутренности кто-то вынул, тщательно отмыл в родниковой воде, смазал самым дорогим маслом и аккуратно сложил обратно. Это было... подозрительно. Последнее, что он помнил, — это как мир превращался в серую кашу из лихорадки и падающих дубов, а потом — обжигающее, как дыхание преисподней, варево этой невозможной женщины. Принц приоткрыл один глаз, ожидая увидеть привычный тусклый свет походной палатки и услышать храп Бориса, но вместо этого реальность обрушилась на него густым коктейлем из запахов сушеной полыни, горьких корней и чего-то неумовимо сладкого, напоминающего запах первого весеннего дождя.

Он был жив. И, судя по всему, чертовски здоров.

Каждая мышца в его теле теперь звенела от переизбытка какой-то дикой, первобытной энергии, словно он только что пообедал целым стадом оленей и запил их эликсиром бессмертия. Никакой тяжести в голове, никакого саднящего кашля — только пугающая ясность мыслей и желание свернуть пару гор, чисто чтобы проверить, не разучился ли он это делать. Аластор сел на спальнике, и тут же осознал две вещи. Во-первых, он всё ещё был в доспехах, что делало его похожим на консервную банку в цветочном магазине. Во-вторых, он был здесь не один.

Яра сидела в углу палатки, прислонившись спиной к тюку с травами. Она выглядела так, будто и не ложилась вовсе, хотя её глаза — глубокие и насмешливые — светились бодростью, которая в этот час казалась Аластору почти оскорбительной. Она наблюдала за ним, подперев подбородок ладонью, и на её губах играла та самая улыбка, от которой у принца обычно начинал дергаться глаз.

— О, смотрите-ка, статуя ожила, — медовым голосом произнесла она, не меняя позы. — Я уж начала думать, не вызвать ли мне каменотеса, чтобы он выбил на твоём панцире «Здесь покоится самый упрямый идиот королевства». Как самочувствие, Ваше Героическое Высокомерие? Потолок не давит?

Аластор попытался изобразить величественную холодность, что было довольно затруднительно, учитывая, что он сидел на полу, запутавшись в чьих-то вышитых платках и пучках сушеного зверобоя. Он прочистил горло, обнаружив, что голос вернулся к нему во всей своей командной полноте, лишившись позорного сипа.

— Я чувствую себя... приемлемо, — выдавил он, стараясь не смотреть на её распущенные волосы, которые в полумраке палатки казались каскадом темного шелка. — Что это было за зелье? В нём было что-то запрещенное законом о магических субстанциях? Потому что я готов поклясться, что сейчас слышу, как в соседнем лесу чешется белка.

— В нём была пара капель здравого смысла и очень много моего терпения, — фыркнула Яра, наконец поднимаясь на ноги. Она подошла ближе, и Аластор невольно вжался в спальник, чувствуя, как его хваленая дисциплина дает трещину под напором её близости. Она пахла лесом и магией, и этот запах дурманил похлеще любого отвара. — Но если тебе так спокойнее, можешь считать, что это был обычный чай. Просто заваренный с любовью к ближнему своему, который настолько глуп, что пытается играть в атланта под падающими деревьями.

— Я защищал проводника, — сухо напомнил он, восстанавливая дистанцию хотя бы на словах. — Потеря проводника в центре Зачарованного леса — это тактическая ошибка, которую я не мог допустить.

— Ах, тактическая ошибка! — Яра всплеснула руками, и несколько колокольчиков, висевших под потолком, мелодично звякнули. — Как я могла забыть? Ты же у нас ходячий устав на двух ногах. Только вот скажи мне, о великий стратег, в каком параграфе написано, что нужно ночевать в палатке ведьмы, когда обещал всем героически замерзнуть у костра?

Аластор замер. Воспоминания о вчерашнем вечере начали возвращаться фрагментами: костер, холод, зеленое свечение в миске и его собственный позорный марш-бросок к ближайшему убежищу. Он, принц Аластор, командующий элитным отрядом, наследник престола, провел ночь в одной палатке с женщиной, которую еще три дня назад хотел арестовать за мошенничество.

— Это было побочное действие зелья, — быстро нашелся он, хотя уши предательски запылали. — Потеря ориентации в пространстве.

— Разумеется, — Яра подошла к самому выходу и откинула полог, впуская внутрь холодный утренний свет. — Потеря ориентации привела тебя именно туда, где теплее всего и пахнет не грязными сапогами Бориса, а моими притирками. Очень удобная у тебя потеря ориентации, Аластор.

Она вышла наружу, оставив его одного собирать остатки своего достоинства. Принц поднялся, чувствуя, как доспехи привычно оттягивают плечи, но сегодня этот вес казался почти неощутимым. Энергия, подаренная ведьминым отваром, требовала выхода. Он решительно шагнул к выходу, надеясь, что его лицо сохраняет ту степень ледяного безразличия, которая обычно заставляет солдат вытягиваться во фрунт.

Когда он выбрался из палатки следом за Ярой, тишина, царившая в лагере, стала почти осязаемой.

Борис, замерший с кружкой в руке, выглядел так, будто увидел восставшего из мертвых короля, причем в нижнем белье. Кай, который как раз пытался раздуть костер, выронил веточку и уставился на командира, переводя взгляд с него на Яру и обратно. Тициан, как обычно, не произнес ни слова, но его брови поднялись так высоко, что едва не скрылись под капюшоном.

— Командир? — осторожно подал голос Борис, и в его глазах Аластор прочитал столько версий происходящего, что ему захотелось немедленно отправить верного соратника в чистку конюшен на год вперед. — Вы... э-э... поправились?

— Как видите, — отрезал Аластор, чувствуя, как по лицу начинает разливаться жар, который никак нельзя было списать на лихорадку. — Почему лагерь еще не свернут? Кай, ты собираешься греть этот костер до второго пришествия или мы всё-таки продолжим путь?

— Но мы думали... — начал было молодой маг, но, поймав на себе взгляд Аластора, в котором закипало всё накопленное за утро смущение, тут же засуетился. — Да-да, командир! Уже сворачиваемся! Пять минут, и мы готовы!

— Две минуты! — рявкнул Аластор, принимаясь застегивать ремешки на перчатках с такой яростью, будто они были лично виноваты в его моральном падении. — Мы потеряли слишком много времени. Лес не будет ждать, пока вы налюбуетесь утренними пейзажами.

Яра стояла чуть в стороне, привалившись к стволу кривой березы, и с нескрываемым удовольствием наблюдала за этим спектаклем. Она видела, как Аластор мечется по лагерю, раздавая приказы, которые становились тем резче, чем чаще его взгляд пересекался с её взглядом. Она знала, что за этой напускной суровостью скрывается человек, который сегодня ночью во сне что-то неразборчиво бормотал о долге и... о том, что у кого-то слишком холодные руки.

— Не слишком ли ты строг к ним? — негромко спросила она, когда принц прошел мимо неё, делая вид, что очень занят проверкой выюков. — Они ведь просто рады, что их лидер не отправился к праотцам раньше времени.

— Дисциплина — это основа выживания, — бросил он, не оборачиваясь. — И я бы попросил тебя не подрывать мой авторитет перед подчиненными своими намеками.

— Какими намеками? — она невинно захлопала ресницами. — Я просто сказала, что ты в отличной форме. Прямо-таки тактически безупречной форме.

Аластор почувствовал, как между ними натягивается та самая невидимая нить, о которой он не просил и к которой был совершенно не готов. Это было уже не просто недоверие к «дикой

ведьме» и не просто благодарность за исцеление. Это было нечто более опасное, пульсирующее в такт его сердцу, которое теперь билось быстрее не от зелья, а от её близости.

Он понимал, что этот поход уже никогда не будет прежним. Каждое слово, каждый взгляд теперь будут иметь двойное дно, которое невозможно скрыть за субординацией или блеском стали.

— Выдвигаемся! — скомандовал он. — Яра, ты впереди. И постарайся больше не призывать на наши головы падающие деревья.

— Постараюсь, — усмехнулась ведьма — Но не обещаю. В этом лесу, Аластор, падают только те, кто слишком крепко держится за свою гордость.

Отряд двинулся вглубь чащи, оставляя позади место своего невольного откровения. Солнце пыталось пробиться сквозь густой туман, окрашивая всё вокруг в странные, призрачные цвета. Аластор шел следом за Ярой, глядя в её прямую спину, и впервые поймал себя на мысли, что спасение короля — это, конечно, первостепенная задача, но вот его собственное спасение от чар этой женщины... это была битва, которую он, кажется, уже начал проигрывать. Как же всё-таки опасно идти в походы с женщиной, особенно с такой опасной.

Воздух впереди перестал быть просто прозрачной субстанцией, предназначенной для дыхания, и превратился в нечто среднее между киселем и статическим электричеством. Аластор почувствовал это первым: кончики пальцев закололо, а на затылке волосы встали дыбом, словно он только что потерся головой об огромный шерстяной ковер. Железо — его верный меч, нагрудник и даже пряжки на сапогах — внезапно отозвалось странным, едва слышимым гулом. Это было не то благородное пение стали, к которому привыкают воины, а скорее раздраженное жужжание потревоженного роя пчел, засевших прямо в его позвоночнике.

— Стоять, — Яра подняла руку, и её жест был настолько властным, что даже кобыла Аластора, обычно игнорировавшая всех, кроме хозяина, вкопалась в землю как влитая. Ведьма обернулась, и её глаза в этом странном, вибрирующем свете казались почти фосфоресцирующими. Она выглядела довольной, и это был плохой знак. Очень плохой.

— Добро пожаловать в «Природник», мальчики, — пропела она, выгибаясь с грацией кошки, которая только что учуяла миску с самыми жирными сливками. — Место, где лес не просто имеет уши, а обладает крайне скверным характером и аллергией на всё, что было выковано в кузнице. Если мы сделаем еще шаг в этом железе, деревья решат, что мы — заноза в их коллективном заду, и выплюнут нас обратно. Или раздавят. Скорее всего, второе.

— Что ты предлагаешь? — Аластор нахмурился, чувствуя, как его нагрудник начинает заметно нагреваться. Магия леса явно не одобряла присутствие королевской стали в своих святая святых. — У нас нет времени на обходные пути. Король умирает, Яра, если ты забыла.

— О, я помню, — она уже вовсю расстегивала ремешки своей кожаной куртки. — Но обходных путей нет. Либо мы идем через «Природник» голышом — ну, почти — либо возвращаемся домой и заказываем королю самые пышные похороны в истории. Выбирай, Ваше Тактическое Высочество. Лес требует жертв. В данном случае — ваших доспехов.

Аластор сцепил зубы так, что челюсть свело. Он представил себе этот марш-бросок: элитный отряд магов и воинов, гордость короны, дефилирует через чащу в исподнем. Если весть об этом дойдет до столицы, его репутация не просто пострадает — она совершит торжественное самоубийство.

— Ты шутишь, — это был не вопрос, а слабая надежда, но Яра лишь издевательски приподняла бровь.

— Смотри и учись, — бросила она.

То, что произошло дальше, заставило Аластора забыть о государственном долге и тактических схемах. Яра начала раздеваться. Она делала это без малейшей тени смущения, словно находилась не перед отрядом вооруженных мужчин, а в своей собственной спальне. Верхняя

куртка из грубой кожи полетела на мох, за ней последовал жилет. Когда она осталась в одном лишь легком платье из тончайшего льна, воздух в лагере, казалось, окончательно закончился.

Ткань выгодно подчеркивала каждый изгиб её тела, а мягкий свет, пробивающийся сквозь кроны, делал её кожу почти сияющей. Она была дикой, первобытной и настолько вызывающе красивой в этом минимализме, что Аластор почувствовал, как во рту пересохло. Это было неправильно. Это было непрофессионально. И это было чертовски завораживающе.

— Ну? — Яра обернулась, закидывая копну волос за спину. — Чего ждем? Группового приглашения от Лешего? Снимайте это железо, пока оно не вплавилось в ваши благородные тушки.

Первым сдался Кай. Молодой маг, чье лицо по цвету теперь могло соперничать с переспелым помидором, начал лихорадочно распутывать завязки своей мантии, спотыкаясь и путаясь в полах. Борис и Тициан переглянулись. В глазах старых вояк читалось сложное сочетание профессионального ужаса и чисто мужского любопытства. Они начали разоблачаться медленнее, с достоинством, но их взгляды то и дело возвращались к Яре, которая теперь беззастенчиво разглядывала их, прислонившись к дереву.

Аластора захлестнула такая волна ярости, что он сам от себя не ожидал. Ему хотелось немедленно накинуть на эту женщину свой плащ, а еще лучше — выколоть глаза своим подчиненным. Но плащ тоже был частью «железной» экипировки с магическими пряжками, а подчиненные просто выполняли приказ.

— Борис, Тициан, займитесь делом! — рявкнул он так, что птицы с ближайших веток брызнули врассыпную. — Кай, не возись, или ты хочешь, чтобы тебя пришвартовало к первой же березе?

Сам он начал снимать нагрудник с такой скоростью, будто тот был раскален добела. Ремешки поддавались плохо, руки дрожали от сдерживаемого раздражения. Избавившись от стали, он принялся за поддоспешник. Каждый слой одежды, падающий на землю, делал его всё более уязвимым, и дело было вовсе не в отсутствии брони.

Яра устроила себе настоящее шоу. Она наблюдала за ними с тем же интересом, с каким ученый разглядывает новый вид жуков. Аластор видел, как она оценила худощавость Кая, чьи ребра можно было пересчитать, и как задержала взгляд на мощных, заросших густым волосом плечах Бориса. Тициан, с его поджарой мускулатурой старого гонимого пса, удостоился одобрительного кивка.

Но когда очередь дошла до Аластора, её взгляд изменился. Насмешливая улыбка не исчезла, но в глазах вспыхнул какой-то новый, более острый интерес. Аластор стоял перед ней в одних лишь тонких льняных штанах, чувствуя кожей прохладу лесного воздуха и обжигающую тяжесть её внимания. Его тело было картой его жизни: идеальные линии мышц, отточенные годами тренировок, пересекались шрамами — след от орочьего тесака на боку, тонкая белая линия от эльфийской стрелы на плече, ожог от магического пламени на предплечье.

Он чувствовал себя так, словно она видела его насквозь, до самых костей, до тех мыслей, которые он так тщательно прятал за маской сурового принца-командира. Без доспехов он лишился своей главной защиты — статуса. Теперь он был просто мужчиной, стоящим перед женщиной, и эта тишина между ними вибрировала сильнее, чем магия «Природника».

— Неплохая коллекция, — наконец произнесла Яра, делая шаг к нему. Её голос стал тише, лишившись части своего едкого сарказма. — Где ты заработал этот, на ключице? Выглядит так, будто тебя пытался поцеловать дракон.

— Это был не дракон, а пьяный наемник в придорожной таверне, — буркнул Аластор, отчаянно пытаясь вернуть себе ледяную отстраненность. Но как можно быть отстраненным, когда твоё сердце колотится о ребра так, будто хочет проломить грудную клетку? — Ты закончила осмотр? Мы можем идти?

Яра подошла еще ближе. Она была совсем рядом, и Аластор снова почувствовал этот запах — запах дождя, полыни и какой-то неуловимой лесной тайны. Она протянула руку, словно хотела коснуться одного из его шрамов, но в последний момент остановилась, лишь обдав его кожу теплом своих пальцев.

— Ты слишком напряжен, Аластор, — прошептала она, и в её глазах промелькнуло что-то похожее на искреннее сочувствие, смешанное с опасным азартом. — Лес не любит напряжения. Он любит правду. А правда в том, что ты слишком долго смотришь на меня.

Аластор замер. Он хотел возразить, хотел выдать какую-нибудь резкую тираду о дисциплине и субординации, но слова застряли в горле. Между ними вспыхнуло такое мощное физическое притяжение, что оно казалось почти осязаемым, как невидимая сеть, затягивающаяся вокруг них двоих. Он видел, как расширились его зрачки в её, и в этот момент он понял, что его главная битва в этом лесу будет вовсе не с монстрами или проклятиями.

— Кхм... Командир? — голос Кая, донесшийся откуда-то сбоку, прозвучал как ведро ледяной воды. — Мы... мы готовы. Кажется.

Аластор резко отстранился, чувствуя, как лицо обдаёт жаром. Кай стоял неподалеку, не зная, куда деть руки, и старательно изучал какой-то мох на дереве. Борис и Тициан уже сложили в рюкзаки всё «опасное» железо, завернув его в толстые слои войлока, чтобы не злить лес.

— Выдвигаемся, — голос Аластора прозвучал хрипло, и он поспешно прочистил горло. — Идем быстро. Никаких остановок, пока не пройдем эту зону.

Яра лишь тихо рассмеялась, возвращаясь к своей привычной манере поведения. Она пошла вперед, её белое платье мелькало между стволами, как призрачный огонек, манящий путников в трясину. Аластор шел следом, глядя в её прямую спину, и понимал, что этот поход окончательно превращается в тактическую катастрофу его личного масштаба. Каждый его шаг в этом «Природнике» был шагом по тонкому льду, и дело было вовсе не в магии деревьев. Дело было в том, что он впервые в жизни чувствовал себя по-настоящему живым, и это пугало его гораздо сильнее, чем перспектива скорой смерти.

Туман в низине напоминал просроченную сахарную вату, которую кто-то щедро сдобрил галлюциногенами и запахом залежалого кружева. Видимость сократилась до расстояния вытянутой руки, причём рука эта должна была принадлежать очень короткому гному, чтобы её можно было разглядеть. Аластор чувствовал, как остатки его тактического превосходства тают быстрее, чем репутация честного трактирщика при виде налогового инспектора. Воздух стал липким, а тишина — такой плотной, что её хотелось проткнуть мечом, просто чтобы убедиться, что пространство всё ещё трёхмерное.

— Идём плотнее, — хрипло скомандовал Аластор, чьи полуобнажённые плечи всё ещё горели под взглядом Яры. — Если кто-то отстанет, искать не буду. Сами станете удобрением для местных кабачков.

— Ой, напугал, — ехидно отозвалась ведьма, хотя её ноздри мелко трепетали. Она явно чувствовала неладное. — Кабачки тут привередливые. Твой сухой армейский юмор они не переварят.

И тут туман решил, что пора переходить к культурной программе. Из серой мглы, плавно покачивая бедрами, начали выплывать девы. Много дев. Такое количество стандартных красавиц в одном месте Аластор видел только на ежегодном балу дебютанток, где всё обычно заканчивалось массовой изжогой от шампанского. Но эти были другими. Их кожа светилась мягким перламутром, а полупрозрачные одежды из туманной пряжи оставляли так мало простора для воображения, что изображение Кая, кажется, решило уволиться по собственному желанию.

Маг замер, выронив посох. Борис и Тициан, эти старые волки, прошедшие через сотни сражений, вдруг превратились в восторженных щенков перед витриной с сосисками. Их глаза остекленели, а руки безвольно опустились. Мавки кружили вокруг, шепча имена, которые муж-

чины надеялись забыть, и обещания, которые не рискнул бы дать даже самый отчаянный политик перед выборами.

— Ой, началось... — Яра закатила глаза с таким звуком, будто у неё в голове провернулись ржавые шестерни. — Мальчики, соберите слюни, это же бюджетная нежить с накрашенными губами!

Она не стала тратить время на уговоры. Ведьма выхватила из-за пояса пучок какой-то подозрительно вонючей травы, подпалила его щелчком пальцев и начала размахивать им перед носом у застывшего Кая. Запах был такой, словно в старом сапоге зажарили тухлую селедку.

— А ну, очнись, любитель спецэффектов! — Яра звонко отвесила магу пощёчину. — Если хочешь на свидание, я тебе потом познакомлю с кикиморой, она хотя бы честная!

Кай вздрогнул, моргнул и согнулся пополам от приступа кашля, вызванного «благовониями» ведьмы. Яра тем временем уже обрабатывала Бориса, используя свой сарказм как хирургический скальпель. Магия «Природника» трещала по швам под напором её приземлённой, почти бытовой ярости. Мужчины начали приходить в себя, осознавая, что вместо прекрасных дев перед ними стоят существа с кожей цвета лежалой капусты и пустыми глазницами.

Аластор стоял в стороне, и Яра с удивлением отметила, что её «ледяной капитан» остался пугающе равнодушен к стандартному набору из пышных бюстов и томных взглядов. Он лишь крепче сжал рукоять меча, наблюдая за этим цирком с брезгливостью человека, которому предложили фальшивую монету.

— Что, командир, неужели ни одна не в твоём вкусе? — бросила Яра, подходя к нему. — Слишком много кожи, слишком мало доспехов?

— Они не настоящие, — сухо ответил Аластор, не сводя глаз с тумана. — У настоящей женщины взгляд не такой... пустой. В нём должна быть жизнь, а не отражение моих собственных хотелок.

Лес, видимо, принял вызов. Мавки зашипели, их голоса слились в один вибрирующий гул. Одна из них, самая высокая и бледная, вдруг начала меняться. Её черты потекли, словно воск, и через мгновение перед Аластором стояла... Яра. Точнее, это была «улучшенная» версия ведьмы в представлении магии похоти: в одной лишь льняной сорочке, которая была настолько мокрой от тумана, что казалась второй кожей. Она смотрела на него тем самым взглядом, который принц ловил на себе сегодня утром — дерзким, изучающим и пугающе притягательным.

У Аластора нервно дёрнулся глаз. Его внутренний мир, выстроенный по линейке и уставу, в одно мгновение превратился в хаос. Это наваждение ударило по самому больному — по его зарождающемуся, тщательно скрываемому влечению к этой невыносимой женщине. Он замер, борясь с желанием сделать шаг вперёд и коснуться этой иллюзорной кожи, которая казалась такой реальной.

— Ой, да ладно... — настоящая Яра запнулась на полуслове, глядя на свою копию. — Это что, я? Неужели я со стороны выгляжу так... доступно? Аластор, не вздумай! Это ловушка для идиотов!

Но принц молчал. Для него в этот момент мир сузился до этой фигуры в тумане. Он видел каждую родинку, каждую прядь волос, которая была точь-в-точь как у ведьмы. Его воля, закалённая годами походов, дала трещину. И этой секунды замешательства хватило лесу.

Из-под земли, прямо из-под ног настоящей Яры, вырвались колючие, покрытые чёрной слизью корни. Они были толщиной с руку взрослого мужчины и двигались с быстротой змей. Прежде чем ведьма успела выкрикнуть заклинание, корни обвили её лодыжки и талию, рывком потащив в сторону разинутой пасти старого, гнилого пня, который в тумане казался порталом в преисподнюю.

— Аластор! — закричала она, и этот крик, полный неприкрытого страха, сработал лучше любого ледяного душа.

Морок слетел с принца мгновенно. Иллюзия «раздетой Яры» рассыпалась серым пеплом, оставив после себя лишь запах гнили. Аластор не думал. В его голове не осталось места для иронии, тактики или титулов. Остался только чистый, первобытный инстинкт — защитить.

Он рванулся вперёд с такой яростью, что Кай невольно отшатнулся. Аластор, лишённый своей привычной стальной брони, казался ещё опаснее. Его мускулы перекачивались под кожей, как тугие тросы, а в глазах зажглось пламя, которое могло бы выжечь весь этот проклятый лес до основания. Он прорубал путь сквозь призрачную плоть мавок, которые пытались преградить ему дорогу. Его меч пел смертельную песню, разделяя нежить на куски тумана и гнили.

— Назад, твари! — его рык заставил даже деревья содрогнуться.

Одним прыжком он преодолел расстояние до Яры, которую уже наполовину затянуло в древесную ловушку. Корни-щупальца взметнулись навстречу, пытаясь пронзить его незащищённую грудь. Аластор увернулся, перекатился по мокрой листве и вогнал меч в основание корня, удерживающего ведьму. Чёрная, зловонная жижа брызнула ему на руки, обжигая кожу магической кислотой, но он даже не поморщился.

— Держись за меня! — крикнул он, подхватывая Яру одной рукой и продолжая рубить корни другой.

В этот момент из-за спины Яры высунулся мощный дух леса — некое подобие человеческой фигуры, собранной из костей и смерзшейся грязи. Его ледяной коготь, длинный и острый, как зазубренный кинжал, метил прямо в горло ведьмы. Аластор среагировал быстрее мысли. Он не успевал ударить мечом, поэтому просто закрыл Яру своим телом, принимая удар на плечо.

Раздался противный хруст, и кожа Аластора мгновенно покрылась магическим инеем. Ледяной холод проник глубоко в мышцы, сковывая движения, но принц лишь сильнее стиснул зубы. С коротким выдохом он провернул меч в руке и вогнал его в «сердце» духа — светящийся сгусток гнили в центре его груди. Тварь издала визг, от которого заложило уши, и рассыпалась грудой мёртвых веток.

Тишина вернулась в низину так же внезапно, как и туман. Остатки мавок растаяли, а корни бессильно обмякли, выпуская свою добычу.

Аластор стоял на коленях, тяжело дыша. Его левое плечо выглядело жутко: бледное, покрытое коркой льда, с тёмными прожилками яда, ползущими к шее. Он не выпускал Яру из объятий, прижимая её к себе так крепко, словно боялся, что она исчезнет, если он ослабит хватку.

— Ты... ты совсем идиот? — прошептала Яра, её голос дрожал. Она смотрела на его рану с ужасом и чем-то таким, что невозможно было скрыть за сарказмом. — Зачем ты подставился? Я бы... я бы что-нибудь придумала!

— Некогда было думать, — хрипло ответил он, пытаясь выдавить привычную холодную улыбку, но получилось лишь болезненное подобие гримасы. — Тактическая необходимость, помнишь? Потеря проводника... и всё такое.

— Заткнись, капитан недоделанный, — она уже лихорадочно рылась в своей сумке, вытаскивая склянки. — Сиди смирно, а то я превращу тебя в жабу, и это будет милосердием по сравнению с тем, что сделает этот яд через пять минут.

Она начала обрабатывать его плечо. Её пальцы, обычно такие цепкие и быстрые, сейчас заметно подрагивали. Когда она коснулась его обожжённой холодом кожи, Аластор невольно вздрогнул, но не от боли, а от того, как бережно она это делала. В этой тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы и тихим звяканьем её инструментов, между ними произошло то, чего не могли добиться никакие уговоры или клятвы.

Это было доверие. Чистое, как первый снег, и такое же хрупкое.

Яра подняла взгляд на него. В её глазах больше не было издевки. Там была благодарность, смешанная с глубоким, искренним интересом к человеку, который ради неё рискнул всем. Аластор смотрел на неё в ответ, чувствуя, как жар от её рук побеждает ледяную магию леса.

— Спасибо, — очень тихо произнесла она, забинтовывая его плечо полоской чистой ткани. — Хотя ты всё равно дурак.

— Знаю, — ответил он, и впервые это слово прозвучало не как признание слабости, а как начало чего-то совершенно нового. — Но, кажется, в этом лесу по-другому не выжить.

Глава 5 Договор дорожке короны

Прогалина, на которой они замерли, выглядела как декорация к очень бюджетному фильму ужасов: кривые тени, подозрительный шёпот в кустах и общая атмосфера того, что сейчас из-за дерева выскочит нечто и предъявит счёт за нарушение границ. Воздух здесь был таким густым, что его можно было нарезать ломтиками и подавать в качестве сомнительного десерта. Аластор, осевший на поваленное дерево, чувствовал, как пульсация в плече превращается в отдельный ритм, под который хотелось либо маршировать в сторону ближайшего кладбища, либо орать благим матом.

— Сиди смирно, тактический гений ты наш, — прошипела Яра, вытряхивая из своей бездонной сумки очередную склянку с жидкостью, цвет которой напоминал желчь разозлённого дракона. — Ты подставился под ледяной удар духа. Если я сейчас это не вытраплю, твоя рука превратится в очень дорогой, но совершенно бесполезный кусок мороженого.

— Это была оправданная необходимость, — выдавил Аластор сквозь зубы. Боль была такой, будто в сустав вкручивали ржавый штопор, а потом решили посыпать это всё солью и магическими искрами. Он смотрел на Яру, чьи пальцы, несмотря на недавний испуг, двигались быстро и уверенно. В её глазах, обычно полных насмешки, сейчас застыла какая-то лихорадочная сосредоточенность.

— Оправданная? Ты чуть не сдох, Аластор! — Яра плеснула зельем на рану.

Шипение, раздавшееся из-под бинтов, было громче, чем возмущение Кайя, когда ему не докладывают мяса в похлёбку. Принц дёрнулся, едва не сбросив ведьму с колен, но она мёртвой хваткой вцепилась в его здоровое плечо. В голове Аластора пронеслась мысль о том, что эта женщина опаснее любого лешего: она лечит так, будто пытается, и смотрит так, будто уже знает, в какой цвет выкрасить стены в своей будущей столичной лаборатории.

— Слушай меня внимательно, — Яра понизила голос, и её взгляд стал пугающе серьёзным. — Лес сменил тактику. Он больше не играет в «заблудившихся грибников». Теперь он охотится персонально на меня. Те мавки были лишь отвлечением, чтобы вытянуть меня из круга.

Аластор нахмурился, игнорируя то тошнотворное облегчение, которое приносил холод её мазей.

— Почему на тебя? — спросил он, пытаясь вернуть голосу командирскую твёрдость.

— Потому что я единственная, кто видит этот лес таким, какой он есть — старой, обиженной кучей магических сорняков с завышенным самомнением. Я — угроза его авторитету. Остальные для него — просто кормовая база, но я... я могу испортить ему аппетит окончательно.

— Тем более, — Аластор обернулся к застывшему в стороне отряду. — Кай, Борис, Тициан, слушай приказ! При следующем переходе формируем «коробочку». Ведьма в центре. Сомкнуть щиты, если они у вас ещё остались. Если кто-то из теней хотя бы чихнёт в её сторону — рубите на дрова. Мы защитим её любой ценой.

Борис молча кивнул, крепче перехватив рукоять меча, а Кай нервно сглотнул, косясь на шевелящиеся папоротники.

— Нет, — Яра резко выпрямилась, обрывая стратегические изыски Аластора. — Никаких щитов. Ваша сталь для этого места — как красная тряпка для быка. При следующем переходе вы все закроете глаза. Будете идти, держась друг за друга, и доверять только моему голосу.

Аластор замер, медленно переводя взгляд на ведьму. Ему показалось, что он ослышался.

— Закрывать глаза? В лесу, который кишит нежитью и пытается нас сожрать? Ты в своём уме? — он почти выплюнул эти слова. — Моя задача — контролировать ситуацию, а не превращаться в слепого котёнка, которого ведут на убой.

— Твой контроль здесь стоит не дороже дохлой крысы! — вскинулась Яра. — Лес сплетёт морок специально под каждого из вас. Вы увидите своих матерей, своих врагов или кучу золота, и пойдёте напрямиком в болото. Только мой голос будет настоящим. Доверься мне, или мы все закончим как удобрение.

— Я не могу доверять слепо! — Аластор вскочил, забыв о боли в плече. — Я отвечаю за жизни этих людей! Я не позволю отряду стать беспомощной обузой. Это противоречит всему, чему меня учили!

Он чувствовал, как ярость закипает в груди. Это было не просто упрямство — это был страх потерять последнюю ниточку контроля над реальностью. Аластор привык, что его слово — закон, что его меч — последняя преграда между порядком и хаосом. А тут какая-то девчонка из чащи предлагает ему просто закрыть глаза и надеяться на чудо.

— Ты ведешь себя как капризный ребёнок, Аластор! — выкрикнула Яра, наступая на него. — Твои правила здесь не работают!

— Мои правила работают везде, потому что я — Аластор из рода Валориан, наследный принц этого королевства! — его голос громом раскатился по прогалине, заставляя птиц (или то, что ими притворялось) сорваться с веток. — И я приказываю тебе обеспечить мою защиту так, как я считаю нужным!

Наступила тишина. Такая звенящая и тяжёлая, что, казалось, даже трава перестала расти.

Кай испуганно втянул голову в плечи, словно ожидая, что прямо сейчас с неба ударит молния за раскрытие государственной тайны в столь неподходящем месте. Борис, знавший правду, лишь суровее сжал губы, бросая короткий взгляд на принца — взгляд, в котором смешивались верность и явное осуждение за потерю самообладания.

Аластор стоял, тяжело дыша, и осознание содеянного медленно остужало его гнев. Он только что вывалил свой титул на голову лесной ведьмы как последний аргумент в споре, который проигрывал. Это было жалко. Это было недостойно.

Яра смотрела на него несколько долгих секунд. В её взгляде не было ни благоговения, ни страха, ни даже удивления. Только странная, почти материнская жалость, которая уколола принца больнее, чем ядовитый коготь духа.

— Принц, значит? — она произнесла это тихо, почти буднично. — Что ж, Ваше Высочество, спешу вас расстроить. Этому лесу плевать на чистоту вашей крови. Ему всё равно, чьи предки сидели на золотом стуле, а чьи — в навозной куче. Для него вы все — просто тёплые тела, которые можно высушить. И мне, к слову сказать, тоже всё равно.

Она подошла к нему почти вплотную, и Аластор невольно отшатнулся.

— У нас есть сделка, Аластор, — продолжила она, и в её голосе зазвучал сталь. — Я обещала провести вас через лес, а вы обещали мне лабораторию. В этом лесу ты — не наследник престола. Ты — человек, за которого я взяла ответственность. И я не допущу, чтобы ты сдох, даже если ты будешь орать о своих титулах до посинения. Я не позволю погибнуть ни тебе, ни этим «простым солдатам», даже если окажется, что под их куртками скрываются ещё пятеро потерянных принцев.

Она отвернулась, демонстративно закручивая крышку на очередной склянке.

— Собирайтесь. У нас мало времени, пока туман не решил, что мы слишком уютно устроились.

Аластор стоял, чувствуя, как его сословная спесь осыпается сухой штукатуркой. Он посмотрел на своих людей. Кай старательно делал вид, что изучает состояние своего посоха, хотя руки его дрожали. Тициан проверял тетиву, не поднимая глаз. Они были напуганы. И они ждали от него не титулов, а спасения.

Внутренний монолог Аластора в этот момент напоминал зал заседаний совета, где все министры одновременно решили уволиться. «Ты идиот», — шептал здравый смысл. «Ты просто испугался», — вторила ему совесть. Он действительно боялся — не смерти, а именно этой

потери контроля, необходимости вручить свою жизнь в руки женщины, которую ещё недавно считал просто досадным препятствием на пути.

— Яра, — позвал он, когда она уже начала закидывать сумку на плечо.

Она обернулась, приподняв бровь.

— Ты права, — он произнес это с трудом, словно каждое слово весило по пуду. — В этом лесу... я просто человек. Веди нас. Мы сделаем так, как ты сказала. Закроем глаза и будем слушать.

Яра ничего не ответила, лишь коротко кивнула, но в глубине её глаз промелькнуло нечто похожее на одобрение. Или это была просто игра света в вечных сумерках Зачарованного леса?

— Закройте глаза. И что бы вы ни слышали, что бы ни почувствовали — не смейте их открывать, пока я не разрешу, — голос Яры прозвучал на удивление сухо, без привычной язвительности, что пугало Аластора куда больше, чем её обычные шпильки.

Элитный отряд Его Величества, гроза северных границ и гордость академии боевой магии, за считанные секунды превратился в самую нелепую многоножку в истории военного дела. Борис, этот стокилограммовый шкаф с бородой, неуверенно положил руки на плечи Яры, Кай вцепился в пояс Бориса так, словно тот был последним спасательным кругом в океане дерьма, Тициан ухватился следом, а сам Аластор, стараясь сохранить хоть какие-то остатки достоинства, замкнул эту странную процессию, положив ладони на плечи молодого мага.

Это было унижительно.

Наследный принц великого королевства стоит с закрытыми глазами посреди ожившего кошмара, ведомый женщиной, которая ещё утром обещала превратить его в садового гнома. Аластор чувствовал, как по спине ползёт липкий холодок, и это была вовсе не магия леса, а самый обыкновенный, первобытный страх потерять контроль. В его мире всё всегда было логично: видишь врага — руби, видишь преграду — обходи, видишь ведьму — ... ну, тут всё было сложнее, но хотя бы визуально понятно.

— Пошли, — коротко бросила Яра.

Шаг. Ещё шаг. Мир за веками превратился в хаос из звуков и тактильных ощущений. Без зрения воображение Аластора, обычно дисциплинированное, как гвардейский полк, внезапно решило дезертировать и пуститься во все тяжкие.

Под ногами что-то чавкнуло. Аластору на мгновение показалось, что он наступил не на мох, а на чьё-то мягкое, ещё теплое пузо. Он едва сдержал судорожный выдох.

— Не останавливаться! — рявкнула ведьма впереди.

Туман, кажется, решил, что просто пугать — это скучно, и перешёл к тяжёлой артиллерии. Воздух вокруг завибрировал. Сначала это был едва уловимый шёпот, похожий на шелест сухих листьев, но с каждым шагом он становился всё четче.

— Аластор... — тихий, надтреснутый голос отца ворвался в его сознание, заставляя сердце пропустить удар. — Сын, почему ты бросил меня? Здесь так темно...

«Это морок. Это просто магический фастфуд для мозгов, — убеждал себя принц, крепче сжимая плечи Кая. — Мой отец сейчас лежит в дворцовых покоях под присмотром лучших врачей, а не шляется по кустам в Зачарованном лесу».

Но голос не унимался. Он обрастал деталями: звоном любимого кубка короля, скрипом его трона, запахом старого пергамента и лаванды. Это было чертовски убедительно.

— Ваше Высочество, посмотрите на меня! — а это уже был голос капитана гвардии, погибшего три года назад в пограничном конфликте. — Мы прорвали окружение, мы победили! Почему вы не радуетесь? Откройте глаза, командир!

Аластор почувствовал, как его веки непроизвольно дрогнули. Инстинкт воина, привыкшего доверять своим глазам больше, чем приказам, вопил о необходимости оценить обста-

новку. Пальцы Кая под его руками мелко дрожали — юный маг явно боролся с собственными демонами.

— Не слушайте их! Это всего лишь эхо ваших собственных страхов! — крик Яры прорезал морок, как ржавая пила — сырое бревно.

Внезапно дистанция между ними сократилась. Рука Кая соскользнула с пояса Бориса, и строй начал рассыпаться. Кто-то споткнулся, послышался лязг металла и сдавленное проклятие.

— Стоять! — Яра оказалась рядом мгновенно.

Аластор ощутил, как его ладонь, судорожно сжатая в кулак, была перехвачена чьей-то рукой. Тёплые, сухие и удивительно сильные пальцы ведьмы разжали его суставы и переплелись с его пальцами.

Это не было похоже на нежное прикосновение дамы на балу. Это была хватка утопающего, или, скорее, того, кто вытаскивает тебя из трясины.

— Держись за меня, — прошептала она прямо ему в ухо. — Только за меня. Забудь про титулы, забудь про солдат. Твоя реальность сейчас — это моя ладонь. Чувствуешь?

— Чувствую, — выдавил он, поражаясь тому, как резко замолчали голоса призраков, стоило этой женщине коснуться его кожи.

Её рука пахла полынью, дымом костра и чем-то неуловимо свежим, чего в этом лесу просто не могло существовать. Аластор сосредоточился на этом ощущении. Каждый бугорок на её ладони, каждая мозоль от ножа или травяного сбора стали для него важнее, чем все тактические карты мира.

Они двигались теперь иначе. Яра не просто вела его — она буквально управляла его телом. Когда нужно было переступить через корень, она чуть сильнее сжимала его запястье. Когда почва под ногами становилась зыбкой, она тянула его на себя, заставляя перенести вес.

Вокруг бесновались мавки. Аластор не видел их, но слышал их яростное шипение. Они кружили совсем рядом — он чувствовал кожей их ледяное дыхание, пахнущее тиной и гнилыми цветами. Они кричали голосами его возлюбленных, его врагов, его нерожденных детей.

— Ты ведешь их на смерть, ведьма! — визжали духи. — Посмотри на своего принца, он уже мертв внутри! Открой глаза, Аластор, посмотри, какую красавицу мы тебе приготовили! Она лучше, чем эта замарашка в обносках!

Аластор усмехнулся про себя. Оскорбление Яры подействовало на него лучше любого отрезвляющего зелья.

«Замарашка в обносках, говорите? — подумал он, чувствуя, как внутри закипает странное, почти веселое упрямство. — Эта замарашка сейчас — единственный человек, который не пытается выпотрошить мне душу. Так что идите лесом. Впрочем, вы и так в лесу».

Яра шла уверенно, её шаги были ритмичными и четкими. Она не просто знала тропу — она будто диктовала лесу, где этой тропе быть. Аластор следовал за ней, и постепенно страх сменился странным трансом. Ему казалось, что они одни в этом бесконечном пространстве, и только тепло её руки связывает его с миром живых.

Это было высшее проявление доверия, на которое он, как ему казалось, был неспособен. Отдать свою жизнь, своё зрение, своё будущее в руки язвительной девчонки, которую он принудил к сотрудничеству шантажом? Абсурд. Безумие.

Но это безумие работало.

Голоса начали затихать, превращаясь в неразборчивое бормотание, а потом и вовсе исчезли, сменившись обычным шумом ветра в кронах деревьев. Воздух стал легче, из него исчезла та тошнотворная сладость, которая обычно сопутствует сильным иллюзиям.

— Всё, — коротко сказала Яра и разжала руку.

Аластор открыл глаза и несколько секунд просто моргал, пытаясь привыкнуть к обычному лесному полумраку. Они стояли на небольшой возвышенности. Туман остался позади, густой и серый, похожий на грязную вату, застрявшую между стволами.

Кай, Тициан и Борис выглядели так, будто только что вышли из эпицентра кабацкой драки — бледные, взмыленные, с дикими глазами. Борис судорожно перекрестился, хотя Аластор точно знал, что старый вояка не верит ни в богов, ни в чертей, кроме тех, что сидят в бочке с элем.

Яра стояла к ним спиной, поправляя сумку. Её плечи чуть подрагивали — переход дался ей не так легко, как она пыталась показать.

Аластор посмотрел на свою ладонь. Она всё ещё горела от её прикосновения. В том месте, где её пальцы сжимали его руку, кожа казалась странно чувствительной, почти обнажённой.

Он почувствовал внезапный укол пустоты. Как будто вместе с её рукой он лишился чего-то жизненно важного, какой-то невидимой опоры, которая делала его сильнее. Это было пугающее чувство для человека, который привык полагаться только на себя.

— Мы прошли? — хрипло спросил Кай, вытирая пот со лба.

— Мы пересекли границу «Природника», — отозвалась Яра, не оборачиваясь. — Дальше будет... по-другому. Лес больше не будет пытаться залезть вам в штаны или в голову. Теперь он будет просто пытаться вас убить. Обычными, материальными способами.

Она наконец повернулась, и Аластор увидел на её лице следы жуткой усталости, которую она тут же маскировала своей обычной ехидной миной.

— Ну что, Ваше Высочество? Как вам роль ведомого? Не слишком пошатнуло ваш авторитет? — она приподняла бровь, ожидая привычного холодного ответа.

Аластор промолчал. Он смотрел на неё и впервые видел не ведьму, не проводника и даже не будущую знахарку. Он видел женщину, которая только что протащила его через ад, не требуя ничего взамен, кроме того, чтобы он не открывал глаза.

— Спасибо, — произнес он тихо.

Яра на мгновение замерла. Её саркастическая улыбка дрогнула и исчезла. Она явно не была готова к искренней благодарности — колкости и угрозы были ей куда привычнее.

— Не за что, — буркнула она, резко отворачиваясь к тропе. — Не расслабляйся, принц. Моя рука не всегда будет рядом, чтобы вытереть тебе сопли.

Аластор лишь усмехнулся, поправляя перевязь меча. Он знал, что она права. Но он также знал, что этот момент слепого доверия навсегда изменил правила их игры. И, честно говоря, он не был уверен, что хочет возвращаться к прежним.

Лес больше не вибрировал, не шептал голосами покойных тетушек и не предлагал бесплатно обменять душу на сомнительное удовольствие созерцать иллюзорные прелести. Отряд снова натянул своё облачение и Аластар выдохнул. Однако триумф был коротким. Принц обернулся, чтобы отвесить какую-нибудь тактически безупречную колкость в адрес их проводницы, но слова застряли в горле.

Яра выглядела так, будто из неё только что выжали всю жизненную силу через очень мелкое сито.

Её кожа приобрела оттенок просроченной овсянки, а обычно дерзкие глаза теперь туманно смотрели куда-то сквозь Аластора. Она пошатнулась, и её рука, та самая, что совсем недавно казалась ему якорем в бушующем океане морока, теперь бессильно повисла вдоль туловища. Ведьма сделала неверный шаг, зацепилась за корягу, которая явно не имела никаких магических амбиций, и начала медленно заваливаться на бок.

— Эй, ты чего? — Аластор рванулся вперед, забыв о боли в плече, которая после встречи с духом леса никуда не делась.

— Просто... пол качается, — прошептала она, пытаясь ухватиться за воздух. — Слишком много... эха.

Она падала.

Аластор подхватил её в последний момент, ощущая под пальцами пугающую хрупкость. В доспехах она казалась ему боевой единицей, инструментом, необходимой помехой, но сейчас, лишённая своей колючей брони сарказма и магического щита, она была просто изможденной женщиной. Принц почувствовал, как её голова безвольно упала ему на грудь, и этот жест невольного доверия ударил по его самолюбию сильнее, чем любое оскорбление.

— Привал! — рявкнул он так, что Борис, собиравшийся что-то спросить, едва не проглотил собственный язык.

— Но, командир, мы же только вышли, — осторожно начал Кай, поглядывая на густые заросли впереди. — Тут место открытое, тактически неудобное...

— Я сказал: привал! — Аластор аккуратно опустил Яру на кучу сухого лапника, который Тициан успел подстелить с быстротой опытного квартирмейстера. — Ей нужно восстановиться. Если наш проводник превратится в труп, мы все закончим как украшение для лешего.

Он смотрел на неё, чувствуя странную, почти болезненную пульсацию в груди. Это было осознание цены. Яра протащила четверых вооруженных лбов через зону абсолютного безумия, взяв весь магический удар на себя. И теперь она лежала здесь, бледная и беззащитная, а он, «наследный принц», мог только смотреть, как под её веками мечутся тени недавнего напряжения.

Отряд сработал четко, но как-то... странно.

Обычно его бойцы на привале превращались в ворчливых медведей: один точит меч, другой ругается на мокрые портянки, третий ищет, чего бы стащить из общего котла. Но сегодня всё было иначе. Борис, этот стокилограммовый комок мышц и шрамов, который в столице слыл самым неотесанным грубияном, вдруг начал с филигранной точностью возводить временный навес из плащей, стараясь не шуметь.

— Тише ты, Кай, не звякай котелком, — прошипел Тициан, отвечивая молодому магу легкий подзатыльник. — Не видишь, человек спит?

— Я просто... — начал было Кай.

— Просто будь полезным. Сходи за сушняком, только тихо, как мышь в амбаре, — ветеран сурово сдвинул брови, поправляя край плаща, которым они укрыли Яру.

Аластор наблюдал за этой сценой, прислонившись к дереву и скрестив руки на груди. Внутри него медленно закипало чувство, которое он никак не мог классифицировать. Раздражение? Да. Но на кого? На солдат, которые внезапно вспомнили о манерах, которых у них отродясь не было? Или на Яру, которая умудрилась завоевать уважение этих прожженных циников всего за один переход?

Его ветераны, Борис и Тициан, которые смотрели на столичных графинь как на досадную помеху параду, сейчас проявляли такую галантность, что принцу стало тошно.

Особенно бесил Борис. Он присел рядом с ведьмой, проверяя, не слишком ли холодный ветер дует со стороны оврага, и в его взгляде не было привычной солдатской сальности. Там было уважение. Чистое, мужское уважение к тому, кто не струсил в бою. И именно это уважение выводило Аластора из равновесия. Он привык, что он здесь — центр вселенной, лидер и спаситель. А теперь его люди смотрели на «лесную девчонку» так, как смотрят на легендарного полководца.

Яра проснулась через час. Она открыла глаза медленно, и первое, что она увидела, был Кай, который с восторженным придыханием протягивал ей кружку с водой.

— Очнулись? — парень сиял как начищенный медный таз. — Вы так ловко нас вывели! Я пытался запомнить плетение, но оно... оно как будто живое!

— Оно и есть живое, глупый, — Яра слабо улыбнулась, принимая воду. — Это не ваши книжные формулы. Это разговор. И иногда лес очень громко кричит.

— Выпейте, — Борис подошел с котелком, от которого шел аромат чего-то на удивление съедобного. — Тициан там какой-то корень нашел, говорит, силы возвращает. Мы его... это... с тушенкой смешали.

— Галантно, — Яра приподняла бровь, глядя на двух ветеранов, которые теперь стояли перед ней чуть ли не по стойке «смирно». — Неужели рыцарство не вымерло вместе с последним драконом?

— Ну, мы же не звери, — пробурчал Тициан, неловко переминаясь с ноги на ногу. — Вы нас спасли. Мы долги отдавать умеем.

Аластор чувствовал себя лишним на этом празднике жизни.

Он стоял в десяти шагах, и никто — абсолютно никто! — не спросил его мнения. Его бойцы окружили ведьму плотным кольцом заботы, обсуждая с ней свойства каких-то местных трав и делясь лучшими кусками сухпайка. Кай уже вовсю строчил в своем блокноте её замечания о движении тумана, заглядывая ей в рот так, будто она была верховным магистром академии.

Принц почувствовал острый укол ревности.

Это было глупо. Он был наследником престола, за его внимание боролись первейшие красавицы столицы, умевшие вести беседы о поэзии и политике одновременно. Он мог очаровать любую женщину одним движением брови. Но здесь, в тени Зачарованного леса, его лоск и титулы были бесполезны. Он не знал, как подойти к ней вот так — просто, без командирского окрика.

Его злило, что Борис может просто помочь ей с тяжелым котелком, а он, Аластор, заперт в клетке собственного статуса.

— Всё в порядке, командир? — Тициан подошел к нему, вытирая руки о штаны. — Вид у вас такой, будто вы лимон целиком проглотили. Плечо болит?

— Я в порядке, — отрезал Аластор, хотя внутри всё клокотало. — Почему мы еще не выступаем? Солнце не будет ждать, пока вы наговоритесь.

— Дык, человеку отдых нужен, — спокойно ответил ветеран. — Мы же не хотим, чтобы она опять в обморок шмякнулась посередине болота? Пуцай поест.

Аластор посмотрел на Яру. Она в этот момент как раз принимала из рук Бориса ложку, и их взгляды встретились. Ведьма явно видела его хмурую физиономию, его сжатые челюсти и то, как он нервно терзает перчатку. Она задержала на нем взгляд чуть дольше обычного.

А потом она сделала то, чего он боялся больше всего.

Яра весело подмигнула ему.

Это было так нагло, так по-будничному просто, что Аластор едва не задохнулся от возмущения. Она видела его ревность. Она наслаждалась его досадой. В этом одном движении ресниц было больше иронии, чем во всех её словах за последние сутки. Она знала, что его «элитный отряд» теперь принадлежит ей не меньше, чем ему, и это знание доставляло ей истинное удовольствие.

— Ну что, Ваше Высочество? — крикнула она, обтирая ложку краем плаща. — Долго еще будете дерево подпирать? Идите к нам, Тициан тут такой суп сварил — пальцы откусите вместе с ложкой. Или у принцев желудки не принимают солдатскую кашу?

— Мой желудок принимает всё, что ведет к цели, — сухо бросил Аластор, делая шаг к костру.

Он сел рядом, чувствуя, как Борис и Тициан невольно расступаются, возвращаясь к субординации, но атмосфера уже изменилась. Между ними больше не было той ледяной стены отчуждения, которая стояла в начале пути. Лес объединил их, превратив из отряда и провод-

ника в некое подобие команды, где шрамы и магическое истощение ценились выше, чем гербы на доспехах.

Яра протянула ему миску, и их пальцы на мгновение соприкоснулись.

— Ешь, Аластор, — мягко сказала она, и в её голосе на мгновение исчезла привычная сталь. — Тебе еще сегодня падать за меня под дубы. На голодный желудок героизм получается кислым.

Принц взял миску, стараясь не смотреть ей в глаза. Он понимал, что проигрывает эту битву. Битву за лидерство, за внимание своих людей и, что самое страшное, за собственное спокойствие. Но, поднося ложку к губам, он поймал себя на мысли, что этот суп — самая вкусная вещь, которую он пробовал за последние несколько лет.

Глава 6 Жертва холодных глубин

Солнце уже давно обосновалась над головами путников и периодически выглядывало из-за макушек вековых сосен и уютный, пропахший супом привал был безжалостно свернут. Аластор чувствовал себя на удивление бодро — спасибо ведьминским снадобьям, которые, кажется, не только вылечили плечо, но и добавили в кровь изрядную порцию скипидара. Но бодрость эта быстро сменилась глухим раздражением, когда отряд подошел к кромке того, что Яра деликатно назвала «болотистыми дебрями». На деле же перед ними раскинулся филиал преисподней, если бы ту затапливало сточными водами в течение пары веков. Воздух здесь был таким густым, что его можно было нарезать ломтями и подавать к столу в качестве гарнира из плесени и тухлых яиц. Каждый вдох сопровождался деликатным желанием вывернуть желудок наизнанку, но Аластор, как истинный лидер, лишь плотнее сжал зубы, стараясь не демонстрировать подчиненным свои гастрономические предпочтения.

— Итак, господа герои, — Яра обернулась к ним, и в её глазах плясали нехорошие искорки. — Снимаем железяки. Всё, что тяжелее кухонного ножа и пахнет кузницей, должно остаться здесь. Если кто-то из вас планирует использовать свой нагрудник в качестве персонального якоря для скорейшего знакомства с донной тиной, я мешать не буду. Но вытаскивать не стану — у меня спина не казенная.

Аластор замер, приподняв бровь. Идея снова добровольно расстаться с лучшей сталью королевства, которая не раз спасала его шкуру от орочьих тесаков, казалась ему верхом тактического маразма. Без доспехов он чувствовал себя не просто уязвимым, а буквально голым. В этом лесу, где даже мох норовил укусь за лодыжку, броня была единственным, что отделяло его от превращения в удобрение. Но взгляд Яры, скользнувший по его мощному наплечнику, был настолько красноречив, что Аластор только шумно выдохнул.

— Ты это серьезно? — спросил он, надеясь услышать хотя бы тень сомнения — Опять?

— Абсолютно, Ваше Высочество, — ведьма едко выделила титул, словно напоминая, что здесь его родословная весит меньше, чем комок грязи. — Болото не любит гордых. Оно любит легких. Либо вы оставляете сталь, либо я иду одна, а вы можете стоять здесь и героически ржаветь до скончания времен.

На поляне воцарился лязг, от которого у любого уважающего себя оружейника случился бы инфаркт. Борис с тихим ворчанием, напоминающим рычание сытого медведя, начал расстегивать кожаные ремни. Тициан, чье лицо выражало скорбь по утраченному достоинству, аккуратно складывал свои щитки на сухой пригорок. Кай же, напротив, избавлялся от амуниции с явным облегчением — молодому магу тяжелая кираса всегда казалась чем-то вроде добровольной пытки. Аластор стоял последним. Его пальцы, привыкшие к эфесу меча, теперь возились с застежками поддоспешника. Вскоре он остался в одних штанах и легкой льняной рубашке, которая предательски липла к телу от влажности. Ощущение было странным: ветер, пропитанный болотной сыростью, охлаждал кожу, и принц вдруг осознал, что без своего панциря он выглядит куда менее внушительно. Или, наоборот, слишком по-человечески?

Яра, тем временем, окинула их взглядом, в котором сквозило что-то среднее между одобрением и жалостью к породистым щенкам, угодившим в лужу.

— Ну вот, — хмыкнула она. — Теперь вы хотя бы не похожи на консервные банки. Двигаемся гуськом, шаг в шаг. И если кто-то решит проявить инициативу и сойти с тропы, чтобы сорвать симпатичный цветочек — забудьте, как вас звали. Болото переваривает всех одинаково.

Они двинулись вперед. Почва под ногами превратилась в хлипкую, чавкающую жижу, которая с каждым шагом пыталась засосать сапоги. Аластор шел сразу за Ярой, внимательно следя за тем, куда она ставит ногу. Вокруг возвышались корявые, мертвые деревья, похожие

на скелеты гигантов, застывших в вечном танце боли. Тишина здесь была абсолютной, если не считать хлюпанья грязи и их собственного прерывистого дыхания. Через час такого марша принц почувствовал, что его ноги наливаются свинцом, а рубаха на спине промокла насквозь. Магия этого места давила на виски, вызывая легкое головокружение и стойкое ощущение, что за ними наблюдают тысячи невидимых, немигающих глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.